

БЫВШАЯ ТЕМНОГО

— Свой счета —

UNAVI

UNAVI –
Бывшая Тёмного. Свои счета

«Литнет»

2026

– U.

Бывшая Тёмного. Свои счета / U. – — «Литнет», 2026

Я просила свободу, а получила должность. Бывшая наложница Тёмного Повелителя, теперь Хранительница казны Аэн'мора. Земли полукровок встречают дождями, грязью, безнадёжной отчётностью и прозвищем Железная Счетоводка. Но это мой шанс доказать, что женщина без магии и рода способна на большее, чем вышивание и слёзы. Политика, интриги, опасное обаяние новых знакомых, тени прошлого и счета, которые рано или поздно придётся оплатить. Даже если ты всего лишь бухгалтер в мире тёмных эльфов.

© – U., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	36
Глава 9	40
Глава 10	44
Глава 11	47
Глава 12	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Глава 1

Дождь монотонно, успокаивающе барабанил по крыше старого особняка, словно кто-то пересыпал сухой горох из ладони в ладонь. Здесь, в Аэн'море, что стал мне новым домом, небо плакало часто, и именно это делало Земли полукровок такими похожими на родную мне землю.

Я сидела за массивным дубовым столом, положив перед собой Главную Счетоводную Книгу. Переплёт уже заметно потёрся, хотя я собственноручно завела её всего полгода назад. Но ежедневные прикосновения, частые поездки по округам и вечная сырость сделали своё дело. Привычные, аккуратные колонки цифр покрывали страницу за страницей: приход — расход, налоги — долги, зерно — кожа — рыба — соль. Финансы Аэн'мора больше не напоминали разорённое осиное гнездо, но идеальными назвать их мог только сумасшедший. Я пересчитала колонку за прошлую декаду и поморщилась: кожевники опять недоплатили восемь процентов. Рыбаки просили отсрочки по ссуде. А совет старейшин Аэн'мора намеревался закупить зерно у горных эльфов, хотя у людей оно выходило вдвое дешевле — просто потому, что старейшина Корвин не доверял людским купцам.

— Предрассудки, — пробормотала я себе под нос, делая пометку в книге. — Предрассудки обходятся нам в двенадцать золотых в месяц.

В камине потрескивали сырые дрова, и я отвлеклась на звук. Свеча на столе чадила — я машинально поправила фитиль щипцами, снова склоняясь над книгой. За полгода я привыкла к сырости, местным жителям и их валюте. Жизнь удивительно циклична: что в России, что в тёмном фэнтезийном королевстве — счетовод везде счетовод.

— Госпожа Хранительница!

В дверь просунулась знакомая лохматая голова Лира, моего младшего помощника, юного полуэльфа-получеловека с вечно испуганными глазами и смешными оттопыренными ушами. Он вечно выглядел так, словно за ним гналась стая гарпий. Я подозревала, что Лир вообще родился с этим выражением лица.

— Лир, — отозвалась я, не поднимая головы, — если ты опять перепутал статьи расходов и записал закупку зерна в графу «непредвиденные издержки», я тебя уволю.

— Нет, госпожа, всё исправил! Зерно теперь в «провианте», как вы велели! — Он мялся на пороге, переступая с ноги на ногу. — Там... господин Рейнар. Снова.

Я вздохнула и отложила перо.

— Пусть войдёт. И скажи ему, что если он опять явился без доклада, я прикажу вычестить из его жалования стоимость сломанного в прошлый раз стула.

— Он говорит, что стул был старым и сам развалился...

— Пусть войдёт, Лир.

Рейнар, как всегда, вошёл без стука — не потому что был груб, а потому что обладал врождённой уверенностью: все двери этого мира обязаны распахиваться перед ним. Высокий, широкоплечий, с резкими, словно вырубленными из камня, чертами лица, в которых эльфийская утончённость смешалась с человеческой основательностью. Его роскошные тёмные волосы были собраны в небрежный хвост, на скуле красовался свежий шрам — результат очередной ночной авантюры, о которой он, как обычно, умолчит.

— Свет очей моих, — провозгласил он, театрально прижимая руку к сердцу. — Ты всё ещё хоронишь себя среди пыльных книг? Жизнь проходит мимо, а ты считаешь чужое зерно.

— Зерно, — я отложила перо на край стола, — это единственное, что сейчас стоит между нами и голодным бунтом. Так что либо помогай, либо не отвлекай.

Рейнар усмехнулся, плюхнулся на стул напротив и закинул ногу на ногу. От него пахло кожей, дымом и хвоей. Я заметила интересную особенность: он всегда садился так, чтобы видеть и дверь, и окно. Привычка воина, которую не изжить.

— Вообще-то, я с хорошими новостями, — сообщил он. — Кожевенники согласились снизить цену на три процента.

— Три? — я приподняла бровь. — Ты их пытал?

— Исключительно обаянием. И лёгким намёком, что в случае отказа их налоговая отчётность за последние пять лет будет проверена лично Хранительницей казны Аэн'мора. Со всем тщанием.

— То есть ты им угрожал мной.

— Я преподнёс тебя как образец неумолимой справедливости. — Рейнар широко улыбнулся. — Ты должна быть польщена. Знаешь, как тебя называют кожевенники? «Железная Счетоводка».

Я недовольно хмыкнула. Слышала я и другие прозвища — за глаза, разумеется. «Дроуская подстилка», «выскачка». Полукровки Аэн'мора не сразу приняли чужачку, присланную из столицы, но полгода кропотливой работы, пара предотвращённых голодных месяцев и умение найти общий язык с кем угодно — от старейшины до рыбака — сделали своё дело. Теперь за глаза меня называли просто «Хранительница», и в этом слове звучало нечто среднее между уважением и суеверным страхом.

— Ладно, три процента — это уже что-то, — признала я, делая пометку в книге. — Передай кожевенникам, что я ценю их благоразумие. А теперь — какое у тебя на самом деле дело? Ты же не ради кожевенников пришёл.

Рейнар чуть подался вперёд, и его улыбка стала менее беспечной.

— Я по поводу восточного тракта, — сказал он тише. — Горные эльфы снова подняли пошлину за проход, на этот раз на пятнадцать процентов. И требуют, чтобы весь торговый поток шёл через их таможенный пост в Тор'эн'кара, иначе обещают перекрыть ущелье.

— Они не имеют права перекрывать ущелье, — нахмурилась я. — По закону Совета торговые пути открыты для всех граждан королевства.

— По закону Совета полукровки — равные граждане. — Рейнар криво усмехнулся. — Ты сама видела, как этот закон работает на деле. Старейшина Корвин предлагает написать прошение в столицу, я же предлагаю послать в ущелье десяток наших парней — пусть на месте объяснят горным ублюдкам, что мы не потерпим вымогательства.

— То есть ты предлагаешь бандитизм?

— Я предлагаю дипломатию. — Рейнар осклабился. — Просто с крепкими кулаками.

Я покачала головой и уже открыла рот, чтобы ответить, когда в коридоре послышался торопливый топот. Дверь без стука распахнулась, и на пороге возник запыхавшийся Лир. Лицо парня было бледнее обычного, а в вытаращенных глазах плескалась смесь паники и возбуждения.

— Госпожа Хранительница... — выдохнул он, хватаясь за косяк. — Там... из столицы... гонец...

Я поднялась.

— Какой гонец?

— Он передаёт официальный указ Совета о помолвке. — Лир слотнул, переводя дух. — Кайлина Эрайтариен... обещана в жёны королю людей Годрику.

Мы с Рейнаром молча переглянулись. Даже дождь за окном, казалось, на мгновение затих. Я медленно опустилась обратно на стул. Перед глазами возникла картина из прошлого: ночной сад в поместье Эрайтариен, воздух насыщен запахом цветов и влажной земли. Платиновая блондинка с изуродованной рукой, спокойно творящая магию среди мраморных скамей. «Живи и умри с этим, Малика», — сказала она тогда, глядя на меня гордыми серыми глазами.

А потом приняла моё прошение и даровала свободу. Кайлину снова продают, и на этот раз собственный брат.

— Вот сукин сын, Рила'адерон, — тихо произнёс Рейнар. — Выдать родную сестру за короля-человека... Даже Дариан до такого не додумался бы.

— Дариан просто убивал, — холодно отозвалась я. — А этот играет людьми в шахматы.

Я смотрела на дождь за окном, пальцами машинально поглаживая корешок Счетоводной Книги — привычный жест, который помогал думать. Король Годрик являлся вдовцом и человеком с грозным характером, который, по слухам, терпеть не мог эльфов и не скрывал этого. Брак с «эльфийской девкой» для него унижение, но отказаться от воли Совета он не посмеет. Рила'адерон загнал его в угол: примешь невесту — унизишься перед своими людьми, откажешься — получишь войну с дроу. Кайлина же снова выступает разменной монетой в чужой игре.

Нахлынули воспоминания, как я, бывшая наложница, женщина без рода и магии, полгода назад стояла в Зале Совета. Как разложила перед ними свои таблицы. Как Вэлиан смотрел на меня с брезгливостью, а Рила'адерон — с холодным расчётом. Они отправили меня в Аэн'мор не из милости, а чтобы заткнуть позорную должность и забыть о моём существовании. Хранительница казны Земель полукровок — звучит гордо, но на деле это была политическая ссылка. Просто я сумела превратить это место в дом. Теперь Рила'адерон проделывает тот же трюк с собственной сестрой. Выдать Кайлину за человека — всё равно что продать породистую скаковую лошадь в крестьянский плуг. Для дроу это оскорбление, для людей — унижение, для Кайлины — новый плен.

Но что я могла сделать? Хранительница казны Аэн'мора не имеет права вмешиваться в брачную политику Совета. Я всего лишь женщина, которая правильно считает цифры.

— Лир, — спокойно произнесла я. — Принеси мне копию указа и пошли кого-нибудь в порт — пусть разузнают, что говорят люди из столицы. Пригодится всё: слухи, сплетни, настроения.

— Будет сделано, госпожа Хранительница! — Лир исчез за дверью.

Рейнар проводил его взглядом и перевёл глаза на меня. Теперь в них не было ни капли шутовства.

— Ты ведь с ней знакома, — произнёс он. — С госпожой Эрайтариен.

— Знакома. — Я кивнула. — Она дала мне свободу.

— И что ты надумала делать?

Я помолчала, глядя на язычок свечи. Моя спокойная, налаженная жизнь с хорошей должностью, книгами, счетами, привычным флиртом с Рейнаром только что дала трещину. Я помнила про изгнание, в котором зализывает раны Дариан. Про Ирмана, который словно сквозь землю провалился. Теперь Кайлину снова бросают на алтарь политики.

— Ничего, — ответила я наконец. — Я просто продолжу работать. Но если Рила'адерон думает, что мир прогнёт спину и замолчит... — я усмехнулась, — он плохо знает женщин, прошедших через гарем Тёмного Повелителя.

Рейнар посмотрел на меня серьёзно и почему-то улыбнулся — не нагло, как обычно, а тепло.

— Знаешь, за что тебя уважают в Аэн'море, Железная Счетоводка? — ехидно спросил он. — Ты не только считаешь цифры, но и думаешь о людях.

Он встал, небрежно поправил перевязь и направился к двери.

— Я пока разберусь с восточным трактом, постараюсь без драк, но если горные не поймут по-хорошему...

— Рейнар.

— Да?

— Если полезешь в драку, сперва зайди в казначейство, я выдам тебе казённый меч. Не хочу, чтобы ты испортил свой бутафорный, блестящий как трофей сороки.

Рейнар хохотнул и вышел, плотно прикрыв за собой дверь. Я осталась одна. Пододвинула к себе личный блокнот, раскрыла на чистой странице и вывела на ней одно-единственное слово: Кайлина.

Потом обмакнула перо в чернила и набросала несколько строк для себя.

Запрос в архив казначейства: сводные данные по торговым пошлинам между Тер'эн'валь и Мор'эн'тара за последние пять лет.

Запрос в архив Совета: копии брачных договоров королевской крови за последние сто лет (с упором на межрасовые союзы).

Я подула на чернила, дождалась, пока они высохнут, и захлопнула блокнот. Нет, я не могла остановить свадьбу. Не могла ворваться в Зал Совета и потребовать отмены указа. Я была всего лишь Хранительницей казны Аэн'мора — бухгалтером в захолустье, куда ссылают неудобных.

Но я очень хорошо умела искать информацию. Потому что за сорок семь лет жизни Света хорошо усвоила одно золотое правило: хочешь победить систему — изучи её вдоль и поперёк и бей в самое слабое место. А слабым местом почти любой системы всегда были деньги.

Я поправила платье, задула свечу и выглянула в окно. Дождь всё барабанил по крыше, стекал по мутному стеклу. Далеко в Мор'эн'таре Рила'адерон подписывал брачный договор, уверенный в своей победе. Король Годрик же скрипел зубами, не смея отказаться от навязанной жены. Бедняжка Кайлина смотрела в темноту, но в её серых глазах плясали искры Бездны — самый редкий в этом мире дар.

Глава 2

Утро после новости о помолвке выдалось солнечным. Дождь наконец прекратился, и сквозь прорехи в тучах пробивались робкие лучи — редкий гость в землях Аэн'мора. Я шла по главной улице городка, вдыхая влажный воздух, пахнувший мокрой листвой, дымом кузниц и совсем немного рыбой. Город просыпался: торговцы раскладывали товары на деревянных прилавках, кузнец уже раздувал мехи, пекарь выставлял на витрину свежие лепёшки. Полу-эльфы, редкие гномы-отшельники — пёстрый, разношёрстный люд спешил по своим делам. Я ловила на себе разные взгляды: уважительные, настороженные, но уже не враждебные.

— Госпожа Хранительница! — Лир догнал меня у поворота к казначейству. Он вечно появлялся неожиданно, словно вырастал из-под земли. — Я принёс отчёты от кожевенников, и ещё... вы просили копию указа Совета...

— Давай, — я взяла у него свёрнутый пергамент. — Заодно напомни: тебе сколько лет, Лир?

Он замялся, смешно хлопая ресницами.

— Восемьдесят два, госпожа. А что?

— Ничего. Просто уточняю.

Восемьдесят два. По человеческим меркам — глубокий старик, а по меркам полукровок — только-только входящий в зрелость юноша. Я мысленно усмехнулась: как жизнь любит играть с цифрами. Парадокс, который до сих пор не укладывался у меня в голове.

— Иди, готовь сводки за прошлую декаду, — велела я. — И не забудь про графу «непредвиденные расходы». Надеюсь, на этот раз ты не запишешь туда закупку чернил.

— Чернила были в «канцелярских», клянусь!

— Вот и отлично. Ступай.

Лир умчался, а я свернула к казначейству. День прошёл в обычной рутине: я сидела над книгами, сверяла цифры, писала запросы в столичный архив. Отправила гонца с требованием предоставить сводные данные по торговым пошлинам между Тер'эн'валь и Мор'эн'тара за последние пять лет — под предлогом «оптимизации налогообложения Аэн'мора». На деле мне нужно было понять, насколько сильно люди зависят от торговли с дроу и что случится с этой торговлей, если брак Годрика и Кайлины сорвётся. Вторая бумага ушла в архив Совета — запрос на копии брачных договоров королевской крови за последние сто лет. Эту я замаскировала под «изучение исторического опыта межрасовых союзов для улучшения положения полукровок». Пусть думают, что я педантичная дура. К вечеру голова гудела от цифр. Я отложила перо, потянулась и выглянула в окно. Солнце садилось, окрашивая мокрые крыши Аэн'мора в оранжевый цвет. Пора идти ужинать.

Таверна «Пять аршинов» была сердцем Аэн'мора — во всех смыслах. Она стояла на пересечении трёх главных улиц, и здесь любила отдыхать самая разная публика. По вечерам сюда стекался весь город: купцы, ремесленники, стражники, старейшины. Здесь заключались сделки, решались споры, рождались слухи. Я заняла свой обычный столик в углу, откуда видно и дверь, и окно. Привычка, которую я переняла у Рейнара. Хорошая привычка для женщины, у которой есть враги.

— О, Железная Счетоводка почтила нас своим присутствием! — раздался знакомый холёный голос.

Рейнар возник из полумрака, держа в руках две кружки эля. Поставил одну передо мной, вторую взял себе и уселся напротив, закинув ногу на ногу. Сегодня он был без кожаной куртки горного эльфа — в простой льняной рубаше с расшнурованным воротом, открывающим загорелую шею. Свежий шрам на скуле уже подживал, и я заметила ещё один — на предплечье, которого раньше не видела.

— Опять дрался? — спросила я, кивая на руку.

— Это не драка, а дипломатия, — усмехнулся он. — Горные эльфы оказались не столь сговорчивы, как кожевенники. Но мы договорились.

— Надеюсь, без трупов?

— Без. Пара синяков, один вывих, — он сделал глоток эля. — И ущелье останется открытым. Пошлину снизили до прежней. Так что можешь не доставать казённый меч.

Я хмыкнула и отпила из своей кружки. Эль оказался горьковатым, но освежающим. Настоящий мужской напиток, не чета сладким винам земель Мор'эн'тара.

— Расскажи мне о себе, — прямо попросила я. — Мы работаем вместе полгода, а я о тебе почти ничего не знаю.

Рейнар приподнял бровь.

— Что именно ты хочешь знать, Хранительница?

— Да что угодно. Откуда ты? Сколько тебе лет? Почему ты не женат?

— О, так ты в жёны метишь? — Он рассмеялся, но мягче, чем обычно. — Ну хорошо. Мне девяносто три. Я из достаточно древнего рода, мать была светлой эльфийкой из Сол'тари, отец простым человеком. Они оба умерли, когда я был мальчишкой. Я вырос на улицах Аэн'мора, воровал, дрался, потом пошёл в стражу, потом стал помощником старейшины Корвина, а потом появилась ты и оттяпала у меня половину работы.

— Я ничего не отбирала, — возразила я. — Я просто выполняю свой долг.

— Вот именно. — Он посмотрел на меня поверх кружки. — Ты просто делаешь свою работу, и у тебя так легко это получается. Это бесит и восхищает одновременно. Знаешь, почему ты мне так нравишься, Малика?

— Потому что ты бегаешь за каждой юбкой?

— Потому что ты единственная женщина в Аэн'море, которая не пытается меня охмурить сама, ради статуса или денег. Тебе от меня вообще ничего не нужно. Ты просто работаешь и носишь это дурацкое платье с высоким воротом, как жрица.

— Это не дурацкое платье, а добротная рабочая одежда, — поправила я, оглядывая себя. — И я далека от богов.

— О да, — он усмехнулся. — Бывшая наложница Тёмного Повелителя. Знаешь, когда ты впервые вошла в этот город, я подумал: «Сейчас начнётся: будет требовать особого обращения, капризничать, жаловаться». А ты взяла счётные книги, заперлась в кабинете и за три дня разобрала годовую отчётность. Я был впечатлён.

— Три дня? — я приподняла бровь. — Я разобрала её за день. Остальные два дня я проверяла, не ошиблась ли.

Рейнар искренне запрокинул голову и расхохотался. Люди за соседними столиками обернулись на нас.

— Вот за это я тебя и уважаю, — сказал он, отсмеявшись. — Ты — единственный человек в этом городе, кто может одновременно раздражать меня и вызывать восхищение.

Мы просидели в таверне ещё час. Рейнар рассказывал о своей юности — как воровал хлеб у гномов-пекарей, как впервые взял в руки меч, как получил шрам через всю спину от разбойников на Восточном тракте. Я слушала, задавала вопросы, смеялась. В кои-то веки я чувствовала себя не Хранительницей казны, а просто женщиной, болтающей с другом.

Подходили и другие. Старейшина Корвин, грузный полуэльф с седыми висками и усталыми глазами, присел на минуту обсудить закупку зерна. Молодая полукровка Ниира, работавшая в портовой таможне, принесла ведомости и задержалась, чтобы перекинуться парой слов с Рейнаром. Лир, который тоже заглянул в таверну, робко присел с краю и слушал наши разговоры с открытым ртом.

Я смотрела на них и думала о том, как круто повернулась моя жизнь. Попад в этот мир, я была чужой в Мор'эн'таре, чужой при дворе, чужой в теле Малики. А теперь у меня был свой

крошечный, пыльный, пахнувший рыбой дом. И люди, с которыми я ужинала в прокуренной таверне, были мне ближе, чем кто-либо в этом мире.

— О чём задумалась, Железная Счетоводка? — Рейнар наклонился ближе.

— О том, что жизнь — хитрая лиса, — ответила я. — Ты думаешь, что потерял всё, а потом находишь то, чего не искал.

Он хотел что-то ответить, но в этот момент дверь таверны распахнулась. На пороге возник запыхавшийся гонец — один из тех, кого я отправляла в столицу за архивными документами. Его лицо было красным от быстрой езды, а в глазах горело возбуждение.

— Госпожа Хранительница! — выдохнул он. — Я только что из Мор'эн'тара... Там такое...

— Говори, — велела я, поднимаясь.

— Советник Файси'аэрион... Ирман... — гонец перевёл дыхание. — Он вернулся! Прибыл ко двору! Сегодня утром, вошёл в Зал Совета как ни в чём не бывало!

Я перестала дышать, все звуки вокруг словно выключились. Ирман вернулся живым. Рейнар перевёл взгляд на меня, и я заметила в его глазах ревность или тревогу.

— Ты ведь знаешь его, — тихо произнёс он.

— Знаю, — мой голос прозвучал глухо. — Очень хорошо знаю.

Я медленно опустилась обратно на стул. Перед глазами сам собой возник светловолосый мужчина с серыми глазами, склоняющийся над книгами в ночной тишине. «Слово крепче стали», — говорил он. И ещё наш единственный прощальный поцелуй. Ирман исчез, пропал бесследно. Дариан отослал его куда-то с поручением, и с тех пор о нём не было ни слуху ни духу. Я искала его, расспрашивала знакомых, ждала. Выла по ночам от тоски и боли. А потом перестала ждать, потому что жизнь не стоит на месте. Потому что работа не ждёт. Но теперь он вернулся, и я совершенно не знала, как теперь жить с этим знанием.

Глава 3

Новость о возвращении Ирмана выбила меня из колеи. Я не спала всю ночь. Ворочалась в постели, слушала, как дождь барабанит по крыше, и гоняла по кругу одни и те же мысли. Он жив, вернулся и вошёл в Зал Совета как ни в чём не бывало. Полгода о нём ничего не было слышно, и вдруг является. Зачем? Почему сейчас? И почему я вообще об этом думаю, когда у меня своих забот полно? Я села на кровати и обхватила голову руками. Мне сорок семь. Точнее, Свете было сорок семь, Малике лет двадцать пять. Но мозги-то остались прежними, а с ними и жизненный опыт, который нашёптывал: женщина, которая не спит из-за мужчины, точно дура. Особенно если этот мужчина исчез без объяснений.

— Он советник, — сказала я вслух. — Бывший советник прежнего Повелителя. Он вернулся, потому что он политик. Ты тут ни при чём.

Я пыталась искать логику, но упрямое сердце не находило покоя до самого рассвета. К утру я приняла решение: мне нужен повод появиться во дворце. Не ради Ирмана — разумеется, нет. Ради дела: Кайлина в опасности, брак с Годриком — политическая бомба, и если я могу хоть что-то разузнать, хоть как-то повлиять на ситуацию, я должна быть там. В конце концов, Хранительница казны Аэн'мора имеет право лично представить Совету предложения по оптимизации налогообложения, особенно если эти предложения касаются межрасовой торговли. Я встала, умылась холодной водой, собралась и отправилась в казначейство.

Повод родился к полудню: я сидела над сводными таблицами, которые запросила из архива, и вдруг заметила, что торговые пошлины между Тер'эн'валь и Мор'эн'тара — между людьми и дроу — были подозрительно низкими. Слишком низкими для товаров, которые шли через земли полукровок. Кто-то в столице систематически занижал транзитные сборы, и деньги оседали не в казне, а в чьих-то карманах. Если подать это как «предложение по улучшению сбора транзитных пошлин» и приложить расчёты, у Совета не будет повода отказать мне в личной встрече. Аэн'мор — ключевой транзитный узел, и если уж Хранительница казны обнаружила дыру в бюджете, пусть явится и доложит.

Я села писать официальное прошение. Перо скрипело по бумаге, раздражая и без того оголённые нервы, цифры тем не менее привычно ложились ровными колонками. Я работала до вечера, перепроверяла каждую графу, составляла таблицы, готовила краткую пояснительную записку сухим, деловитым языком, без единого лишнего слова. Когда прошение было готово, я отправила его с гонцом и осталась ждать.

Короткий ответ пришёл через три дня за подписью секретаря Совета: «Хранительнице казны Аэн'мора допускается прибыть в Мор'эн'тара для личного доклада. Явка назначена на пятый день декады». Я перечитала письмо дважды. Пятый день декады — это через семь дней. Значит, у меня есть примерно четыре дня, чтобы подготовиться: найти достойное платье, потому что в том, что висело в моём шкафу, появляться во дворце было нельзя. За полгода в Аэн'море я привыкла к простой одежде. Добротные закрытые, немаркие шерстяные платья, удобные для работы с книгами. Я и забыла, каково это — выглядеть не как бухгалтер, а как женщина. Но ехать во дворец в затрапезном виде было недопустимо. Не потому что я хотела нравиться Ирману — разумеется, нет. Просто в мире дроу внешность была весомым оружием. Если ты выглядишь как бедная родственница, с тобой и разговаривать будут соответственно. А мне нужно, чтобы меня слушали.

— Мне нужно платье, — сказала я Рейнару за ужином в таверне «Пять аршинов».

Он поперхнулся элем.

— Моя драгоценная Госпожа Цифра, позволь узнать, зачем? Ты носишь одно и то же скудное платье уже полгода.

— Это разные платья. И не называй меня Госпожой Цифрой.

— Хорошо, моя ненаглядная Повелительница Налогов. — Он осклабился. — Зачем тебе платье? Решила ослепить Совет красотой, чтобы они не заметили ошибок в расчётах?

— Совет увидит цифры. А платье — для того, чтобы они не смотрели на меня как на деревенщину.

— Ты самая сексуальная деревенщина из всех, кого я видел, — Рейнар поднял кружку. — Особенно когда очаровательно хмуришься над своими книгами. Но если серьёзно: есть тут одна женщина — Грайша. Лучшая портниха к востоку от Мор'эн'тара. Когда-то обшивала знать в столице, но после переворота уехала сюда — говорит, клиенты среди дроу её достали. Если тебе нужно платье, которое скажет: «Я здесь главная, и мне плевать на ваше мнение», — иди к ней.

На следующее утро я так и поступила. Мастерская Грайши находилась в старом доме на тихой улочке вдали от рыночной суеты. Стены дома были увешаны рулонами материи всех цветов и фактур, а в углу, на манекене, красовалось недошитое платье из тёмно-зелёного бархата, расшитое серебром. Приятно пахло хлопком. Грайша оказалась маленькой, хрупкой женщиной с острыми чертами лица и пронзительными карими глазами. Её собственное тёмно-бордовое, с неброской, но явно дорогой вышивкой по рукавам платье сидело безупречно. Она оглядела меня с головы до ног. Я заметила на её лице смесь профессионального интереса и жалости.

— Хранительница казны, — произнесла она, приглядываясь ко мне. — Чем обязана?

— Меня зовут Малика, и мне нужно особое платье. Я хочу снова выглядеть как женщина, в руках которой власть, а не книги.

Грайша обошла меня по кругу, изучая фигуру, развернула плечи, потрогала ткань моего рабочего платья и с отвращением поморщилась.

— Это безнадежно, — критично сказала она. — Но мы это сожжём и начнём заново. У вас отличная фигура, зачем вы её прячете?

— Я ничего не прячу, я работаю.

— Работать можно и в приличном платье. Раздевайтесь, будем снимать мерки.

Следующие два часа я провела, стоя на маленьком помосте, пока Грайша колдовала с тканями, булавами и нитками. Она не умолкала ни на минуту — рассказывала о клиентах-дроу, которые требовали невозможного, о тканях, которые привозят из Ллос'эн'эйра, о том, как после переворота из столицы сбежали почти все приличные портные. Я слушала вполуха, разглядывая рулоны материи.

— Вот это, — резко прервав портную, сказала я, указывая на отрез шёлка глубокого голубого цвета.

Он лежал в стороне, словно ждал меня. Цвет был не небесно-голубой и не тёмно-синий — что-то среднее, напоминающее сумеречное небо сразу после заката. Глубокий, благородный, не кричащий оттенок. Грайша прищурилась.

— Хороший выбор. Голубой — цвет дома Эрайтариен, но на оттенок темнее этого. Вы демонстрируете уважение, но не подлизываетесь. Умно.

— А отделка?

— Отделаем золотой нитью. Сдержанно. Пустим по вороту, по рукавам, может быть, по поясу. Камней и блёсток не будет, это для выскочек.

Я кивнула. Именно этого я и хотела. Платье было готово через три дня. Когда я вошла в мастерскую на примерку, Грайша с гордостью развернула его передо мной — и я замерла. Оно было прекрасно. Глубокий голубой шёлк струился, как вода, юбка ниспадала ровными, упорядоченными складками, рукава были длинными, но изящно сужались к запястьям. По высокому вороту и манжетам шла тонкая золотая вышивка — не броская, а напоминающая скорее старинную вязь. Пояс из того же шёлка подчёркивал талию, не стягивая её до невоз-

можности. Платье было роскошным, но строгим. Женственным, но не вызывающим. Именно то, что нужно женщине, которая хочет, чтобы её слушали, а не разглядывали.

— Вы лучшая, — тихо сказала я.

— Я знаю, — спокойно ответила Грайша. — Но спасибо.

Я заплатила ей вдвое против оговорённой цены, не слушая возражений, и унесла платье домой. Выезжать ко дворцу решили на рассвете. Я стояла перед зеркалом в своей спальне и разглядывала собственное отражение. Из зеркала на меня смотрела незнакомка. Красивая, но не такая, какой была Малика при дворе Дариана. Тогда её красота была выставлена напоказ — глубокие декольте, открытые плечи, блеск драгоценностей. Сейчас красота была другой: спокойной, собранной, уверенной. Женщина в голубом шёлке, которая знает себе цену.

В дверь постучал Рейнар. Он стоял на пороге в дорожной одежде: тёмный плащ, простая кожаная куртка (на этот раз не трофейная, а своя, добротная), меч на поясе. Он оглядел меня с ног до головы, и на мгновение в его глазах промелькнуло то, чего я раньше не видела, но он быстро спрятал новую эмоцию за привычной усмешкой.

— Ого, — произнёс он. — Леди Синий Шёлк собственной персоной. А ты уверена, что едешь с докладом, а не на собственную коронацию? Хороша, ну диво как хороша.

— Я уверена, что если ты не перестанешь придумывать мне глупые прозвища, я впишу в отчётность штраф за неподобающее обращение к вышестоящему лицу.

— Вышестоящему? — Рейнар развязно подошёл ближе. — Моя дражайшая госпожа, я всего лишь скромный слуга вашей красоты. — Он хищно обошёл меня по кругу, разглядывая.

— Вот и служи молча. Поехали.

Мы вышли на улицу. У крыльца стояла добротная, запряжённая парой мохнатых лошадок местной породы карета. Лир топтался рядом, явно волнуясь.

— Госпожа Хранительница, — он робко шагнул вперёд, — вы скоро вернётесь?

— Скоро, Лир. Ты остаёшься за главного по казначейству. — Я поправила сумку на плече и строго посмотрела на него. — Если за время моего отсутствия старейшина Корвин проведёт закупку зерна у горных эльфов по завышенной цене, а ты не сумеешь его остановить — разницу вычту из твоего жалования за три месяца.

Лир побледнел.

— Но... но как же я остановлю старейшину Корвина? Он меня не слушает!

— А ты придумай что-нибудь. Ты же полуэльф-получеловек, у тебя должно хватать мозгов думать и за тех и за этих. — Я смягчила тон. — Ты справишься, Лир. Я в тебя верю.

Он выпрямился, на его лице мелькнула гордость. Я села в карету, Рейнар устроился напротив, кучер щёлкнул вожжами, и мы отправились в путь. Дорога в Мор'эн'тара занимала почти два дня. Первый день мы ехали через Земли полукровок — мимо полей, перелесков, редких деревушек. Местность была мирной, но Рейнар не дремал. К вечеру мы въехали в предгорья. Дорога сузилась, стиснутая скалами с одной стороны и обрывом с другой. Я смотрела в окно на закат, когда карета вдруг остановилась.

— Что там? — спросила я.

Рейнар высунулся в окно и нахмурился.

— Завал. Камни сошли с откоса. Нехорошо.

Мы вышли наружу. Поперёк дороги громоздилась груда камней — не слишком большая, чтобы её могло смыть дождём, но достаточно внушительная, чтобы карета не проехала. На обочине стояли двое: пожилой гном с седой бородой и мальчишка-полукровка лет десяти. У их ног лежала перевёрнутая тележка с рассыпанным товаром — какие-то склянки, мешочки, коробочки.

— Камнепад, — мрачно сказал гном, заведя нас. — Сошёл прямо перед нами. Еле увернулись.

Рейнар оглядел завал и сплюнул.

— Это не осыпь, это кто-то сбросил. — Он указал на следы лома на верхушке скалы. — Кто-то хотел перекрыть дорогу. Или поджидал путников.

Я нахмурилась. Диверсия на дороге, ведущей в столицу, в дне пути от Мор'эн'тара? Это уже не просто хулиганство.

— Здесь часто такое? — спросила я.

— В последнее время — всё чаще. — Рейнар положил руку на меч. — Говорят, шайки людей с севера балуют. Озлобленные, что король Годрик их бросил. А может, и не люди. Может, кто-то хочет, чтобы дороги выглядели опасными.

Мы помогли гному и мальчишке перетащить тележку через камни. Рейнар вместе с кучером растащили самые крупные обломки, освобождая проезд. Всё это заняло около часа. В сгущающихся сумерках мы наконец двинулись дальше.

— Думаешь, это связано с недавней помолвкой? — тихо спросила я, когда карета тронулась.

— Думаю, что кто-то сознательно расшатывает дороги, — ответил Рейнар. — Торговые пути, караваны, транзит. Если тракты станут опасными, люди начнут винить дроу. Если начнут винить дроу — появится повод для конфликта. А если появится повод для конфликта...

— ...то брак Годрика и Кайлины уже не будет выглядеть такой уж плохой сделкой, — закончила я. — Потому что альтернативой будет война.

— Именно. — Рейнар откинулся на сиденье.

— Кто-то очень умный нагнетает обстановку. Либо чтобы заставить Годрика согласиться на брак, либо чтобы вообще разорвать отношения между людьми и дроу. В любом случае, нам с тобой нужно быть осторожными.

Я смотрела в темноту за окном и молчала. В моей голове крутились цифры: транзитные пошлины, недоплаты, подозрительно низкие сборы на торговле с людьми. Кто-то не просто воровал деньги. Кто-то сознательно душил торговлю, чтобы сделать королевство людей слабее и сговорчивее. Или чтобы подготовить почву для чего-то большего. К вечеру второго дня мы въехали в Мор'эн'тара. Я выглянула в окно кареты, и сердце ёкнуло. Подземный город встретил нас холодным синеватым сиянием магических светильников, вправленных в скальные своды. Знакомые широкие улочки, мощёные тёмным камнем, здания, что уходят вверх острыми шпилями. Повсюду теперь чистокровные, беловолосые, темнокожие, в строгих одеждах тёмных оттенков дроу. Полукровок почти не было. Людей — тем более. Я смотрела на этот город — и не узнавала его. При Дариане Мор'эн'тара был пёстрым. Здесь смешивались все расы королевства — светлые эльфы, лесные, озёрные, люди, гномы. При Рила'адероне всё изменилось. Теперь это был город дроу и для дроу. Остальные сделались невидимками.

— Неприятное место, — тихо сказал Рейнар. — Слишком много белых волос.

Я усмехнулась, но не ответила. Карета миновала центральную площадь и направилась к дворцовому комплексу. Вот он, дворец, где меня когда-то держали в наложницах, где я стояла перед Советом полгода назад, доказывая, что достойна должности. Тот, где сейчас заседал Рила'адерон и где где-то в лабиринтах коридоров, возможно, прямо сейчас ходил Ирман. Карета остановилась у дворцовых ворот. Я вышла, одёрнула платье и подняла подбородок. Я вернулась.

— Ну что, моя дражайшая счетоводка, — тихо произнёс Рейнар, встав рядом. — Ты готова?

— Готова, — ответила я и шагнула к воротам.

Глава 4

Ворота дворца были точно такими же, как полгода назад, за одним исключением: сменился фамильный герб на две переплетённые серебряные ветви. Стража тоже сменилась: раньше у ворот стояли и дроу, и люди — символ единства королевства при Дариане. Теперь здесь было четверо дроу в одинаковых тёмных доспехах, и ни одного представителя других рас.

— Хранительница казны Аэн'мора, — произнёс старший стражник, сверившись с пергаментом. — Вас ожидают. Распорядитель проводит.

Распорядитель, высокий, сухопарый дроу с серебристыми волосами, зачёсанными назад, и лицом, которое я смутно помнила, появился бесшумно. Кажется, он служил ещё при Дариане. Дроу вообще редко меняли места службы: они были слишком стары и слишком консервативны, чтобы суетиться вслед за политическими бурями.

— Леди Малика, — он поклонился настолько, насколько требовал этикет в отношении чиновника моего ранга. — Добро пожаловать в Мор'эн'тара. Ваши апартаменты подготовлены. Господин Рейнар, представитель совета старейшин Аэн'мора, разместится в соседних покоях.

— Благодарю, — кивнула я. — Когда назначено слушание?

— Завтра, в полдень. Совет соберётся в Главной палате. Вам надлежит быть готовой к этому часу.

Мы прошли через внутренний двор. Я старалась смотреть прямо перед собой, но взгляд то и дело соскальзывал в стороны — туда, где раньше были фонтаны с ароматической водой и клумбы, засаженные исключительно белыми цветами. Теперь здесь росли строгие тёмные кипарисы, стояли каменные скамьи, а фонтаны заменили сухим мощением.

Внутри дворец тоже изменился. Когда-то здесь пахло благовониями и свежими фруктами — дань гарему, где держали десятки наложниц, и бесконечным пирам, которые Дариан заказывал по поводу и без. Теперь в коридорах стоял сухой, монастырский запах старого камня, пергамента и ладана. Я покосилась на дверь, ведущую в бывший гарем, и замедлила шаг. Вместо привычных резных створок с изображением цветов лотоса там теперь красовалась массивная дубовая дверь с бронзовой табличкой: «Королевский архив и кабинеты советников». Распорядитель перехватил мой взгляд.

— Повелитель Рила'адерон счёл традицию содержания гарема неподобающей для новой эпохи, — сухо пояснил он. — Помещения были переоборудованы под нужды администрации.

— Похвально, — ответила я нейтрально. Интересно, что на это сказала бы Морвейн, которая когда-то заправляла гаремом и была казнена по приказу Рила'адерона? Впрочем, мёртвые не говорят.

Рейнар шагал рядом и помалкивал, но я чувствовала, как он сканирует пространство — где охрана, где выходы, где можно укрыться в случае опасности. Гостевое крыло находилось в восточной части дворца. Распорядитель провёл нас через анфиладу комнат, отделанных тёмным деревом, и остановился перед дверью в мои апартаменты.

— Ваши покои, леди Малика. Служанка будет ожидать вас внутри. Господин Рейнар — ваша дверь следующая.

Гостевое крыло имеет собственный сад, доступный для прогулок. Прошу вас не покидать пределов гостевого крыла без сопровождения: остальная часть дворца закрыта для посетителей.

— Разумеется, — ответила я. — Благодарю.

Распорядитель поклонился и исчез так же бесшумно, как появился. Мы с Рейнаром переглянулись.

— Собственный сад — это уже неплохо, — заметил он. — Я-то думал, нас посадят в каморку под лестницей.

— Не дождёшься. Я Хранительница казны, а не попрошайка.

— О, простите, Ваше Великолепие. — Он отвесил шутовской поклон. — Увидимся позже, моя несравненная Малика.

Я закатила глаза и вошла в свои покои. Комната оказалась просторной, с высокими потолками и окнами, выходящими в сад. Обстановка была сдержанной, но не бедной: широкая кровать с балдахином, письменный стол у окна, кресло с резными подлокотниками, шкаф для одежды. На полу лежал тёмный ковёр с геометрическим узором. Теперь здесь не было излишеств, позолоты, ничего, что напоминало бы о вкусах Дариана. У двери стояла молодая служанка — полукровка с пепельными волосами и испуганными серыми глазами. Она нервно теребила край передника.

— Леди Малика, — пробормотала она, приседая в поклоне. — Меня зовут Лисса. Я приставлена к вам на время вашего пребывания. Если вам что-то нужно — только скажите.

— Для начала принеси горячей воды, Лисса. И скажи, здесь есть отдельная ванная комната?

— Да, леди. За той дверью. Я сейчас всё принесу.

Она выскользнула из комнаты, а я подошла к окну. Сад гостевого крыла был меньше того, что я помнила по поместью Кайлины, но вполне уютный: каменная дорожка, петляющая между кипарисами, несколько скамей, небольшой фонтан в центре. За живой изгородью угадывалась стена, отделяющая гостевое крыло от остального дворца. Мой новый мир на ближайшие дни. Я сняла дорожное платье, умылась, переоделась в более лёгкое, «рабочее» синее, которое Грайша когда-то обещала сжечь, но так и не сожгла. Вечер обещал быть долгим, а завтра — решающим. Рейнар постучался ближе к вечеру. Он успел переодеться, но всё равно выглядел как человек, который только что обошёл все окрестные таверны и остался недоволен.

— Ну что, — сказал он, усаживаясь в кресло, — план такой: ты остаёшься здесь, отдыхаешь, готовишься к завтрашнему Совету. А я иду в общую гостиную.

— В общую гостиную?

— В этом крыле, как я выяснил, живём не только мы. Здесь ещё пара купцов из Тер'эн'валя, какой-то посланник горных эльфов и чиновник из казначейства Мор'эн'тара. Вечером они все собираются в гостиной — курят, пьют вино, играют в кости.

— И ты хочешь к ним присоединиться.

— Именно. — Он усмехнулся. — Я, знаешь ли, умею располагать к себе других. Буду пить, шутить, делать вид, что я простой парень из Аэн'мора, который случайно попал во дворец. Заодно послушаю, о чём они говорят.

— А я?

— А ты — женщина. — Рейнар пожал плечами. — Если ты пойдёшь со мной, они сразу закроются. Будут вежливы, но не скажут ничего лишнего. А так — я один, они расслаблены, и к утру я буду знать всё, о чём шепчутся в гостиной.

Я хотела возразить, но он был прав. Мужские компании в королевстве работали точно так же, как в моём родном мире: стоило появиться женщине — и разговоры становились натянутыми.

— Хорошо, — согласилась я. — Иди. Но если проиграешь в кости наши монеты, вычту в тройном размере.

— Не проиграю. Я всегда выигрываю. — Рейнар подмигнул и исчез за дверью.

Я осталась одна. Тишина гостевых покоев давила на уши, и я решила выйти в сад. Сад гостевого крыла в вечерних сумерках пустовал. Магические фонари только начинали разгораться, отбрасывая на дорожку мягкий золотистый свет. Я медленно шла по каменной тропинке, вдыхая запах влажной земли и хвои. Рядом журчал фонтан. В этом саду не было тревожной красоты, которая наполняла сад Кайлины. Здесь всё было проще, обыденнее — но, может быть, именно поэтому я чувствовала себя спокойнее. Не было воспоминаний о пытках

и магии Бездны. Я дошла до старого кипариса и остановилась, глядя на фонтан. Мысли сами собой вернулись к Ирману. Где он сейчас?

Я нахмурилась и уже собиралась повернуть обратно, когда услышала твёрдые, уверенные шаги по каменной дорожке, ведущей от парадного входа гостевого корпуса. Я инстинктивно отступила за ствол кипариса — просто потому, что не хотела ни с кем говорить. И тут я его увидела. Он вышел из дверей корпуса и направился по дорожке прямо к калитке, ведущей в основную часть дворца. Шагал быстро, сосредоточенно, в руке держал несколько свитков. Одет был в тёмно-серый камзол без единого украшения, светлые волосы стали короче. Лицо советника как всегда оставалось спокойным, отстранённым, но что-то в нём изменилось, что именно я не могла уловить с такого расстояния. Я замерла за кипарисом, сердце заколотилось быстрее. Полгода я искала его, расспрашивала о нём, ждала хоть какой-то весточки.

Полгода я убеждала себя, что справилась, что отпустила, что женщина с моим жизненным опытом не должна думать о мужчине, который исчез без единого слова. И вот он — живой, настоящий, в десяти шагах от меня. Я смотрела на него, хотелось выйти из-за дерева, схватить его за руку и спросить: «Где ты был?» Хотелось накричать на него. Хотелось просто стоять и смотреть — потому что он был жив, и это было самое главное. Он не видел меня. Прошёл мимо, не заметив, — калитка скрипнула, и он исчез в темноте основной части дворца.

Я стояла, прижавшись спиной к стволу кипариса, и чувствовала, как мелко дрожат пальцы. Я медленно выдохнула, поправила волосы и заставила себя отойти от дерева. Никто не должен видеть Хранительницу казны Аэн'мора в таком состоянии. Я вернулась в свои покои, плотно закрыла дверь и села на кровать. Завтра я встречу с ним, но сегодня мне нужно было просто пережить эту ночь.

Глава 5

Утром Лисса принесла горячую воду, помогла зашнуровать коронное голубое с золотой вышивкой платье — и робко заметила, что я сегодня «особенно красива». Я поблагодарила служанку и отослала её. Красота сегодня — оружие, а не украшение. Рейнар ждал меня в коридоре. Он тоже принарядился — сменил дорожную куртку на тёмно-синий камзол без вышивки, но дорогого кроя. Меч, разумеется, оставил в покоях: в Зал Совета с оружием не пускали никого, кроме дворцовой стражи. Выглядел он мрачновато.

— Ты нервничаешь? — спросила я, поправляя рукав.

— Я не нервничаю, моя драгоценная Императрица Отчётов, предвкушаю. — Он усмехнулся, но как-то натянуто. — Никогда не видел Совет вблизи.

— В полном составе не видела тоже, — призналась я. — В прошлый раз я стояла перед ними как просительница. Теперь — как Хранительница казны.

— Теперь они будут не снисходительно слушать, а внимательно. Это совсем другое.

Мы вышли из гостевого крыла. Распорядитель уже ждал нас, он проводил нас через анфиладу коридоров к массивным дверям Зала Совета. Здесь, в широком холле, уже собралась небольшая толпа: посланники автономий, купцы, чиновники, пара дроу в дорожных одеждах. Все ждали своей очереди.

— Хранительница казны Аэн'мора, — спустя время объявил распорядитель, сверившись со списком. — Вы следующая. Предыдущий докладчик завершает выступление.

Мы вошли в зал, Рейнар остался у двери, облокотившись на колонну, словно мой телохранитель, а не гость. Я заметила, как он пристально смотрит в сторону одного из советников.

— Веди себя прилично, — шепнула я ему.

— Я всегда веду себя прилично. Пусть за собой последят.

Зал Совета поражал своим величием. В прошлый раз меня принимали в другом, куда более скромном зале. Сегодня передо мной открылось огромное помещение с каменными сводами, уходящими в темноту. Свет здесь шёл от магических светильников, вправленных прямо в стены, — их холодное синеватое сияние заливало всё ровным светом. В центре, на небольшом возвышении, стоял длинный узкий стол в форме буквы «П». За ним сидели советники — двадцать четыре представителя автономий и древних родов: дроу, горные эльфы, лесные, озёрные и прочие, пара гномов, даже один человек. Все в строгих одеждах, с лицами, не выражающими ничего.

Но самое интересное — сам стол. Он стоял на пьедестале высотой чуть больше фута, и пространство под ним было открыто. Я видела ноги каждого советника. Кто-то нервно постукивал носком сапога, кто-то закинул ногу на ногу, кто-то сидел неподвижно, как статуя. Этот архитектурный приём служил инструментом контроля. Совет непрерывно следил друг за другом: постукивание ногой выдаёт неуверенность, скрещённые лодыжки — защитную реакцию, расслабленная поза — правду. Здесь невозможно было лгать, не выдав себя невербально. По крайней мере, так задумывалось.

В центре стола, на возвышении, сидел Рила'адерон. Новый Повелитель был одет в тёмно-серый камзол без единого украшения, и только серебряная цепь на груди указывала на его статус. Лицо правителя оставалось спокойным, но собранным. Я перевела взгляд правее, и пол под ногами показался шатким. По правую руку от Повелителя сидел Ирман, в кресле, отведённом для приглашённых советников. Я совсем не ожидала его здесь увидеть. Но он был здесь — в Зале Совета, на моём слушании, и смотрел прямо на меня.

Боги, как он изменился! Светлые волосы, которые раньше спускались до лопаток, теперь были коротко обрезаны — до мочек ушей, открывая шею и строгую линию подбородка. Одет он был хорошо, в тёмно-зелёный камзол без вышивки, но из дорогой ткани, простой, почти

аскетичный. Ирман не надел украшений, я заметила на нём лишь один перстень с фамильной печаткой на правой руке. Серые, глубокие, усталые, такие родные и чужие одновременно глаза встретились с моими — и на мгновение дрогнули. Всего на секунду, но я увидела, как расширились его зрачки, как пальцы сжались на подлокотнике, как он чуть подался вперёд и тут же осёкся, вернув спину в жёсткую, прежнюю позицию.

Он тоже увидел не ту Малику, которую помнил, — наложницу в откровенном наряде и с затравленным взглядом. Перед ним стояла женщина в роскошном голубом шёлке, с аккуратно уложенными локонами, гордой осанкой и спокойным, мудрым лицом. Женщина, которая знает себе цену. Я на миг оторопела, в горле встал ком, ноги словно приросли к полу. Полгода я представляла эту встречу — и вот она случилась, в самом неподходящем месте, под прицелом двух десятков взглядов. Но я не дам им увидеть мою слабость. Я отвела взгляд от Ирмана, выпрямила спину и шагнула в центр зала. Остановилась перед столом Совета — так, чтобы видеть всех и чтобы все видели меня.

— Уважаемые члены Совета, Повелитель, — произнесла я голосом, который прозвучал на удивление ровно. — Благодарю за возможность выступить.

Рила'адерон кивнул.

— Мы слушаем вас, Хранительница казны Аэн'мора.

Я разложила на специальной кафедре свои таблицы, которые готовила последние дни, и начала выступление.

— За последние полгода я провела полный аудит финансовой системы Земель полукровок. Результаты, прямо скажем, неутешительные, но поправимые. Сегодня я хочу обратить ваше внимание на более масштабную проблему, касающуюся не только Аэн'мора, но и всего королевства.

Я сделала паузу, обвела взглядом советников. Кто-то смотрел с любопытством, кто-то — с откровенной скукой. Молодой дроу в конце стола, почти мальчишка по меркам своего народа, разглядывал меня с таким откровенным интересом, что мне захотелось одёрнуть платье.

— Меня беспокоят транзитные пошлины, — продолжила я. — Они напрямую касаются торговли между Тер'эн'валь и Мор'эн'тара. За последние пять лет пошлины на товары, проходящие через Земли полукровок, были искусственно занижены. Я сравнила данные из архива казначейства с реальными объёмами поставок. Недоплата составляет около восьми процентов ежегодно. Деньги оседают не в королевской казне, а в карманах неизвестных лиц.

Совет зашептался. Кто-то из гномов наклонился к соседу. Лесной эльф с длинными серебристыми волосами поджал губы.

— Это ещё не всё, — я перевернула страницу. — По пути в Мор'эн'тар мы с господином Рейнармом столкнулись с завалом на Восточном тракте. Якобы случайная осыпь. Однако осмотр показал, что камни были сброшены намеренно. Это диверсия и не первый случай — по словам местных торговцев, подобные происшествия участились в последние декады.

— Вы хотите сказать, что кто-то сознательно разрушает торговые пути? — спросил дроу с длинным узким лицом. Кажется, представитель Тор'эн'кара. Его нога под столом нервно постукивала по полу.

— Я хочу сказать, что это системная проблема, — ответила я, глядя ему прямо в глаза. — Занижение пошлин и диверсии на дорогах могут быть звеньями одной цепи. Кто-то пытается ослабить торговлю между людьми и дроу.

По залу пробежал ропот. Я чувствовала, как взгляды советников сканируют меня — кто с интересом, кто с подозрением. Ирман сидел неподвижно, но его глаза не отрывались от моего лица. Он больше не хмурился. Он внимательно, цепко слушал меня, так, как слушал когда-то в ночной тишине, когда мы вместе разбирали бумаги.

— Моё предложение, — продолжила я, — следующее. Первое: создать комиссию по аудиту транзитных пошлин с участием представителей Аэн'мора. Второе: усилить охрану тор-

говых путей совместными силами автономий. Третье: провести расследование происшествий на Восточном тракте. Я готова предоставить подробные расчёты по каждому из этих пунктов.

Я разложила на кафедре оставшиеся листы и замолчала. Повисла пауза. Потом заговорил Рила'адерон.

— Благодарю вас, Хранительница. Вопросы к докладчику?

Вопросы посыпались градом. Кто-то спрашивал о методологии расчётов, кто-то — о доказательствах диверсии, кто-то — о роли Аэн'мора в будущей комиссии. Я отвечала спокойно, чётко, подкрепляя слова цифрами. Чувствовала, как Ирман смотрит на меня, но не позволяла себе отвлекаться на это. Через полчаса обсуждение иссякло. Рила'адерон подвёл итог:

— Совет принимает ваши предложения к рассмотрению, Хранительница. Решение будет принято на следующем заседании. Вы свободны.

Я поклонилась — настолько, насколько требовал этикет, — развернулась и направилась к двери. Спинай чувствовала взгляды — советников, Повелителя, Ирмана. Шагала медленно, не позволяя себе ускориться, каблуки моих туфель мерно стучали по каменному полу. У двери стоял Рейнар, чьё лицо было мрачнее тучи.

— Ты была великолепна, — сказал он, когда двери Зала Совета закрылись за нами.

— Спасибо. Что-то случилось?

— Ничего. — Он шагал рядом, и я слышала, как скрипит кожа его сапог. — Просто эти... советники. Особенно тот мальчишка-дроу. Ты заметила, как он на тебя пялился?

— Рейнар...

— И не только он. Ещё трое, гном и этот, из лесных эльфов. — Он сплюнул в ближайшую урну. — Ты вышла в зал, и они все забыли, зачем пришли. Я стоял у двери и видел их лица. Они не слушали твой доклад, Малика. Они разглядывали тебя.

— Рейнар, прекрати.

— Что прекрати? — Он резко остановился и повернулся ко мне. — Бездна меня раздери, я не могу спокойно смотреть, как на тебя глазеют эти напыщенные индюки!

Я вздохнула. В коридоре было пусто, только вдалеке маячили фигуры слуг. Я взяла Рейнара за локоть и заставила идти дальше.

— Послушай, — сказала я тихо. — Ты мой друг, и я ценю твою заботу. Но я — взрослая женщина, я была наложницей при дворе, где на меня смотрели как на вещь. Думаешь, меня волнует, что какой-то мальчишка-дроу меня разглядывал? Нет, меня волнует другое.

— Что?

— Ирман был в зале.

Рейнар вздохнул, я видела, как на его скулах заходили желваки.

— Ирман, — повторил он.

— Да. Он сидел рядом с Повелителем. — Я отпустила его локоть. — И он явно объявился не случайно.

— И что ты чувствуешь?

— Я не знаю. — Я покачала головой. — Но сейчас это неважно, Рейнар. Меня беспокоит его присутствие и то, что он сидит бок о бок со своим врагом.

Рейнар долго молчал, глядя вперёд. Потом невесело усмехнулся.

— Знаешь, счетоводка, иногда я жалею, что ты не обычная женщина. С обычной просто: приревновал, поссорились, помирились. А с тобой...

— Сейчас не время для этого, — отрезала я. — Возьми себя в руки.

— Да, — он кивнул. — Не время, именно это меня и пугает.

Мы дошли до гостевого крыла молча. У двери в мои покои Рейнар остановился.

— Я пойду, — сказал он. — Нужно проветриться.

— Рейнар.

— Да?

— Спасибо за то, что ты рядом.

Он кивнул, не оборачиваясь, и зашагал прочь. Я проводила его взглядом и закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и выдохнула. До меня доносились приглушённые голоса — вероятно, в общей гостиной снова собрались купцы и чиновники. Рейнар наверняка сейчас там: «проветриться» на его языке означало «напиться и собрать сплетни». Я не осуждала, сама бы сейчас выпила, но дамам не наливают по утрам. Я прошла к окну и опустилась в кресло, только сейчас заметила, как подрагивают пальцы рук. Полгода я убеждала себя, что справилась, отпустила, забыла его. Что женщина, пережившая долгую и несчастливую жизнь в мире людей, не станет трястись из-за мужчины, который исчез без единого слова. Какая же я дура.

Он всего лишь посмотрел на меня — и я растаяла. Хотя нет, не растаяла, Светлана не тает, но внутри дрогнуло, перевернулось с ног на голову всё, что было до, и теперь я сидела в кресле как пришибленная и прокручивала в голове каждую секунду этой встречи. Его обранные волосы, осунувшееся лицо, пальцы, сжавшие подлокотник. То, как он подался вперёд и тут же осёкся. Почему же ты исчез тогда, Ирман? Почему не дал о себе знать после? Почему сейчас сидишь рядом с Рила'адероном как ни в чём не бывало?

Я заставила себя встать и подойти к столу. Нужно подготовить ответы на возможные вопросы Совета. Думать о работе, о Кайлине, о том, что происходит с торговыми путями. Но мысли возвращались к нему. Лисса принесла обед — лёгкий суп, свежий хлеб, немного фруктов. Я ела в тишине и вкуса почти не чувствовала. Служанка убрала посуду и тихо удалилась, видимо, поняв, что я не в настроении для разговоров. После обеда я снова села к окну, сад гостевого крыла был пуст. Я рассеянно скользила взглядом по дорожке, по калитке, ведущей в основную часть дворца... И я его увидела: Ирман вышел из дверей гостевого крыла. Он был один, в руке держал несколько свитков. Быстро пересёк садовую дорожку и направился к калитке, ведущей в главную часть дворца. Я прижалась лицом к стеклу.

Он шёл уверенно, по-хозяйски — видимо, имел доступ туда, куда мне путь был закрыт: в главный дворец к Рила'адерону. К архивным комнатам, что располагались в бывшем гареме. К западному крылу, где когда-то держали Кайлину. Куда он идёт? С кем встречается? И почему — после всего, что случилось, — он свободно расхаживает по дворцу нового Повелителя, словно у себя дома? Если я сейчас останусь в этом кресле, я сойду с ума от неизвестности. Он что-то затевает, и я должна выяснить, что происходит. Я схватила со спинки стула тёмно-серую, неприметную шерстяную шаль и накинула на плечи. Туфли сменила на мягкие кожаные балетки, которые предусмотрительно взяла с собой. Никто не услышит шагов.

— Ты спятила, — сказала я своему отражению, оглядывая себя в зеркале.

Отражение не ответило, я выскользнула за дверь. До калитки, ведущей в главную часть дворца, оставалось несколько десятков шагов. За полгода жизни в гареме Дариана я успела выучить расположение многих потайных ходов. Наложницы всегда знают, как исчезнуть незаметно, — на всякий случай. Я накинула шаль на голову, пряча рыжие волосы, и выскользнула в сад. Калитка, за которой скрылся Ирман, вела в длинный сводчатый коридор, соединяющий гостевое крыло с главным дворцом. Я ступила под его своды, бегло огляделась. Стражи не было. Впереди мелькнула тёмная фигура. Ирман свернул налево — туда, где находились лестницы западного крыла. Я бесшумно, держась теней, как когда-то училась в гареме, двинулась следом. Не привлекать внимания — навык гарема, который, казалось бы, никогда не пригодится в мирной жизни, и вот пригодился.

Глава 6

Я двигалась за Ирманом на почтительном расстоянии, стараясь держаться в тени кипарисов. В своё время жизнь в гареме научила меня главному: если хочешь остаться незамеченной, не крадись. Крадущихся видно сразу — по нервным движениям, по дрожанию листвы, которую заденешь плечом. Иди спокойно, как человек, имеющий право здесь находиться. Тени скроют всё остальное. Ирман миновал сводчатый коридор и вышел в сад главного дворца. Здесь было светлее, ярче, но и растительности вдвое больше, что было плюсом для меня. Он шёл уверенно, не оглядываясь, и вскоре свернул в боковую аллею, ведущую к беседке.

Я остановилась за густым кустом цветущего рододендрона. Отсюда открывался хороший обзор. Беседку, увитую плющом, я узнала сразу: здесь полгода назад Кайлина объявила мне, что Ирман жив. Я помнила каждый камень дорожки, ведущей к ней; тогда я стояла здесь, сжимая в руках дарованную свободу. Теперь я пряталась в кустах, как нашкодившая кошка. В беседке его ждали: Рила'адерон расслабленно сидел на мраморной скамье, закинув ногу на ногу. Но я прекрасно видела его сосредоточенное, напряжённое лицо. Рядом с братом стояла Кайлина. На ней было тёмно-фиолетовое платье без украшений, волосы убраны в элегантную причёску. Но что меня удивило, так это то, что справа от неё стояла Астремей. Кажется, теперь она была доверенной компаньонкой принцессы или кем-то вроде того. Ирман вошёл в беседку и поклонился. Рила'адерон кивнул, приглашая садиться. Кайлина осталась стоять. Я напрягла слух. Ветер доносил обрывки фраз, но расстояние было слишком большим, а садовые насекомые гудели едва слышным, но назойливым фоном.

— ...торговые соглашения... — донеслось от Рила'адерона.

— ...Тер'эн'валь не согласится на эти условия, — ответил Ирман. Голос его звучал спокойно, но я видела, как он сжимает пальцы на колене.

— ...король Годрик будет поставлен перед выбором, — произнесла Кайлина.

Я подалась вперёд, пытаясь расслышать ещё хоть слово, но в этот момент из-за угла аллеи показалась стража. Двое дроу в полном доспехе — не дворцовая охрана, а личная гвардия Повелителя. Они обходили сад по периметру, и их маршрут пролегал в опасной близости от моих кустов. Я вжалась в рододендрон. Стражники прошли мимо, не заметив. Я выждала минуту, другую — но подойти ближе к беседке стало невозможно: слишком много глаз. Оставалось только смотреть издали, как Ирман что-то обсуждает с Повелителем и его сестрой, и мучиться от неизвестности. О чём они говорят? Почему Ирман здесь, рядом с человеком, который сверг его Повелителя? И почему Кайлина стоит рядом с братом так, словно ничего не случилось? Словно её не продавали королю людей, как скот на ярмарке.

Через некоторое время беседа закончилась. Рила'адерон поднялся и, коротко кивнув собеседникам, направился в сторону главного дворца. Кайлина и Астремей последовали за ним. Ирман задержался в беседке на пару минут — сидел неподвижно, глядя на фонтан, — а затем встал и пошёл обратно тем же путём, каким пришёл. Я выскользнула из-за кустов и быстро, пока он не скрылся, двинулась в сторону гостевого крыла. Я села на каменную скамью у фонтана парадного входа, закуталась в шаль и стала ждать. Солнце уже садилось, и сад погружался в сиреневые сумерки. Фонтан тихо журчал, словно хотел меня успокоить. Не выходило. Я злилась на Ирмана — за то, что исчез, за то, что сидит рядом с узурпатором как ни в чём не бывало, за то, что ни разу за полгода не дал о себе знать. За то, что его лицо всё ещё заставляет моё сердце биться чаще — и это после всего, что было. И на себя — за то, что сижу тут как дура в дурацкой шали, вместо того чтобы гордо удалиться в свои покои и делать вид, что мне всё равно.

Рейнара нигде не было — видимо, всё ещё «проветривался». Может, оно и к лучшему. Я не хотела, чтобы он видел меня такой. Прошло около часа. Сумерки сгустились, зажглись

магические фонари вдоль дорожек. Я уже начала думать, что Ирман прошёл через другой вход, когда калитка сада отворилась, и он появился. Мужчина шагал быстро, сосредоточенно, глядя себе под ноги. У самых дверей гостевого крыла он наконец поднял глаза — и увидел меня. Ирман остановился, замедлил шаг. Его лицо на мгновение утратило обычную непроницаемость, и я увидела то, чего не ожидала: растерянность, толику страха, а затем надежду. Я поднялась со скамьи, хмуря брови.

— Малика, — тихо произнёс он. Моё имя прозвучало в его устах вымученно, тяжелее чем раньше. Он медленно приблизился, и было в этом движении странное: он двигался рвано, словно заставлял себя подойти, словно какая-то часть его хотела развернуться и уйти.

— Ирман. — Мой голос прозвучал резче, чем я хотела. — Что это всё значит?

Он оглянулся — короткий, быстрый взгляд в сторону сада.

— Малика, не здесь. — Он едва заметно качнул головой. — Пойдём со мной.

Я ожидала, что он отмахнётся. Ожидала, что снова исчезнет. Он же развернулся и вошёл в гостевое крыло, направившись к лестнице, ведущей на второй этаж. Я последовала за ним, чувствуя, как внутри закипает глухая, горячая, смешанная с обидой ярость. Он привёл меня в небольшую библиотеку. Узкие стеллажи с книгами ютились вдоль стен. Я заметила пару кресел у камина, массивный стол в центре. В комнате было темно — только один светильник горел над каминной полкой. Ирман подождал, пока я войду, закрыл дверь и задвинул засов. Выдохнул.

— Здесь нас не услышат, — сказал он.

Я стояла посреди комнаты, сжимая кулаки. Всё, что я планировала сказать спокойно, рационально, как подобает Хранительнице казны, — всё вылетело в трубу.

— Где ты был? — Мой голос дрожал от ярости. — Где ты был эти полгода, Ирман?

— Малика...

— Ты исчез! Пропал! Ни строчки, ни весточки, ни единого слова! — Я наступала на него, не в силах остановиться. — А теперь ты сидишь в Совете рядом с Рила'адероном, рядом с человеком, который сверг Дариана, и делаешь вид, что так и надо!

Он стоял неподвижно, только пальцы сжались на свитках.

— С Дарианом всё в порядке, насколько это возможно, — произнёс он спокойно, но я видела, как он сглотнул ком, вставший в горле, как дёрнулся его кадык.

— В порядке?! — Я расхохоталась — злым, коротким смешком. — Он в изгнании, Ирман. Его выгнали из собственного дворца. Его заставили уйти с позором, как побитого пса. И где был ты? Где был его советник, его голос, его...

— Малика, прошу, тише, — перебил он, понижая голос.

— Где ты был, когда его гнали из его же дворца?! — Я подошла почти вплотную, и мой голос сорвался. — Где ты был, когда я...

Я осеклась и отвела взгляд. Я замолчала, слышно было только моё сбитое и его тяжёлое дыхание. Ирман подался вперёд, и его руки потянулись к моим плечам, но на полпути он одёрнул себя. Ирман отступил на шаг, и его лицо стало по-настоящему, глубоко грустным.

— Я всегда служил Дариану, — сказал он тихо. — Это не изменилось, Малика. Прошу тебя, не спеши с выводами.

Он помолчал, подбирая слова.

— Что касается тебя... Я интересовался твоей судьбой. Я знал, где ты. Знал, что с тобой всё в порядке.

Я снова вспыхнула.

— Знал, где я, и ни разу не приехал?! Даже весточку не прислал?! Полгода, Ирман!

— Я не мог. — Его голос стал твёрже. — У меня были дела. Важные дела. Я стараюсь помочь, как могу, и это важнее остального.

Он запнулся. Мышцы на его лице напряглись, словно он боролся сам с собой.

— Это важнее нас с тобой, — закончил он почти шёпотом.

— Нет никаких нас! — выкрикнула я.

Слова ударили его как пощёчина. Он вздрогнул.

— Нет, — повторила я, и голос мой сорвался на крик. — Ты исчез. Оставил меня одну. А теперь делаешь вид, что я тебе никто!

Он больше не сдерживался. В два шага сократил расстояние между нами и крепко, сильно, так что я не могла вырваться, схватил меня за плечи. Его серые глаза оказались прямо перед моими — полными слёз, которых я уже не пыталась скрыть. Он смотрел на меня, кажется, целую вечность. А потом резко, немного грубо, прижал к себе, обхватив мою спину руками. Я всхлипнула и вцепилась в ткань его камзола. Жаркие, горькие, смешанные с яростью и облегчением слёзы хлынули сами собой. Я плакала и ненавидела себя за это, но ничего не могла поделать. Полгода я держалась и убеждала себя, что справилась. Ирман гладил меня по спине, прижимая всё крепче. Его дыхание было неровным. Он молчал, но мне и не нужны были слова — по крайней мере, сейчас. Когда рыдания стихли, он мягко взял меня за подбородок и приподнял лицо. Его усталые, серьёзные глаза смотрели на меня с той самой нежностью, которую я помнила по ночам в архиве.

— Послушай, — произнёс он тихо. — Я всё тот же, Малика. Доверься мне.

Он помолчал.

— Но здесь говорить обо всём опасно. Я объясню всё, как только появится возможность. Дождись.

Я смотрела на него снизу вверх, и мои глаза всё ещё были влажными от слёз. Его лицо так близко — близко настолько, что я чувствовала его дыхание. Стоит податься вперёд — и наши губы встретятся. Я видела, как против воли его взгляд опускается к моим губам. Видела, как он сглатывает очередной ком, как сжимает челюсти. Он медленно, словно преодолевая сопротивление воздуха, отстранился. Его руки разжались, выпуская мои плечи.

— Рад был тебя видеть, Малика, — произнёс он голосом, который пытался быть светским, но не справился.

Он поклонился по этикету — чётко, с прямой спиной — и вышел из библиотеки, тихо прикрыв за собой дверь. Я осталась одна. Слёзы нахлынули снова — на этот раз без крика, без ярости, просто тихий, изматывающий плач. Эмоций было слишком много: ярость, облегчение, обида, нежность — это всё нужно было выплакать. Я сидела в кресле у холодного камина, обхватив себя руками, и позволяла слезам течь. Потом вытерла лицо, глубоко вдохнула и выпрямила спину. Хватит. Я вышла из библиотеки и направилась в свои покои. У двери меня встретила Лисса — она дремала в кресле в коридоре, ожидая моего возвращения.

— Лисса.

Она встрепелась.

— Да, госпожа?

— Господин Рейнар не появлялся?

— Он у себя, госпожа. Вернулся около часа назад.

Я кивнула и прошла в комнату. Умылась холодной водой, поправила волосы, сменила платье — накинула то самое, «рабочее» синее, в котором чувствовала себя увереннее. Глубоко вдохнула и подошла к зеркалу. Из отражения смотрела немного грустная, но спокойная женщина. Глаза слегка покраснели, но это можно списать на усталость. Я вышла в коридор и постучала в дверь Рейнара. Он открыл почти сразу — переодетый, но всё ещё слегка взъерошенный. Видно было, что он взволнован.

— О, моя таинственная прекрасная леди, — он изобразил улыбку, но она вышла кривоватой. — Я уж думал, ты решила провести вечер без меня.

— Я была занята, — холодно ответила я, проходя в комнату. — Рассказывай, что удалось разузнать.

Рейнар закрыл дверь, опёрся о косяк и скрестил руки на груди.

— Много всего, счетоводка. Очень много. Но начну с главного: во дворце зреет раскол. Я села в кресло и приготовилась слушать.

Глава 7

Я села в кресло и приготовилась слушать то, что выведал Рейнар.

— Не все согласны с правлением и методами Рила'адерона, — продолжил мой спутник. — Ты сама видела: дроу наверху, остальные — кто где. Но Повелитель, надо отдать ему должное, не дурак. Тех, кого подозревает в нелояльности, он не высылает и не казнит — он держит их рядом, очень и очень близко. Чтобы видеть, чем они дышат.

— Держит друзей близко, а врагов ещё ближе, — пробормотала я.

— Именно. Я говорил с купцами из Тер'эн'валя, с одним чиновником из казначейства, даже с горным эльфом — представляешь, он был пьян и внезапно разболтался. Так вот: по дворцу ходит петиция. Её составляют те, кто не хочет служить эльфу, который делит народы на классы. Буквально: «отказ служить короне, попирающей закон о равенстве». И подписывают её не только люди и полукровки.

Я приподняла брови.

— А кто ещё?

— Аристократы, — Рейнар усмехнулся. — Эльфийские семьи, у которых есть близкие узы с полукровками. Смешанные браки, бастарды, кровные связи. Ты сама знаешь, как это бывает: чистокровный дроу женился на женщине из Ллос'эн'эйра, их сын взял в жёны полукровку, внуки уже не вписываются в «чистую кровь». А Рила'адерон слишком ценит чистоту. Большинство его поддерживает — это возвышает их над остальными. Но те, кто унижен новым порядком? Им нечего терять.

Я задумалась, теперь картина вырисовывалась яснее. Рила'адерон строил жёсткую иерархию, и те, кто оказался на ступень ниже, чем рассчитывал, искали способы вернуть утраченное, и петиция была только началом будущего протеста.

— Что до нас с тобой, — Рейнар сменил тон, — мы отбываем из дворца послезавтра на рассвете. Наше время в качестве гостей правителя истекло.

Я кивнула, стараясь не выдать разочарования, уезжать совсем не хотелось. Я только начала распутывать клубок, и вот уже пора сматывать нитки.

— Послезавтра так послезавтра, — с напускным безразличием сказала я. — Но завтра последний наш день здесь. Предлагаю прогуляться по саду после обеда. Хочу получше запомнить это место, вдруг больше не доведётся здесь побывать.

Рейнар кивнул.

— Идёт, моя госпожа, — ответил дамский угодник бархатистым голосом. — С утра пойду в общую гостиную, может, ещё что интересное узнаю.

Я отправилась в свои покои, устроилась в кресле, глядя в темноту за окном. Совсем скоро мы покинем дворец. Я вернусь в Аэн'мор — к книгам, счетам и бесконечным дождям. А Ирман останется здесь, рядом с Рила'адероном, и я снова ничего не буду знать о нём. Что же с тобой случилось, Ирман?

Утро прошло как в тумане: я разбирала бумаги и готовила вещи к отъезду. Обед подавали в общем зале для гостей, это была длинная комната с высокими окнами, выходящими в сад. Я села за дальний столик и рассеянно ковыряла вилкой жаркое. Ирмана за трапезой не было — как, впрочем, и все предыдущие дни. Должно быть, он принимал пищу вместе с обитателями главного дворца. Я старалась не думать о нём, выходило скверно.

Рейнар сидел напротив и, кажется, чувствовал моё настроение, потому что не лез с шутками, а молча поглощал обед. После трапезы мы, как и договаривались, вышли в сад. День выдался пасмурным, и прогулка по саду вышла даже приятнее, чем можно было рассчитывать. Мы шли по аллее, обсуждая насущные дела — транзитные пошлины, предстоящую дорогу, то, что нужно будет доложить старейшине Корвину. Спокойный, рутинный разговор, крепкое

плечо Рейнара и отсутствие жары помогали успокоиться. Вдруг на дорожку перед нами вышла знакомая фигура и остановилась в нескольких сотнях метров от нас. Я узнала её сразу, хотя изменилась девушка очень сильно. Наивная и восторженная Эла'атери, которая когда-то была моей единственной подругой в гареме. Девчонка, что влюбилась в наёмника и верила, что он спасёт её.

Теперь передо мной стояла другая женщина. Светлые волосы Эла'атери были убраны в элегантную причёску. На девушке было серебристое платье, скорее строгое, чем нарядное, но самым большим изменением подвергся взгляд подруги. Прежняя Эла'атери бросилась бы ко мне с объятиями, наплевав на этикет, нынешняя ждала, пока я подойду сама.

— Леди Малика, — произнесла она, приседая в церемонном поклоне. — Господин Рейнар. Рада видеть вас.

Я подошла и тепло её обняла. Плечи Эла'атери остались напряжёнными, она не ответила на объятие — только вежливо улыбнулась, когда я отстранилась. Рейнар, понимая, что он здесь лишний, тактично кашлянул.

— Пожалуй, пойду проверю, всё ли готово к отъезду. Леди, — он кивнул Эла'атери, — рад был познакомиться.

— Взаимно, — ответила она ровным тоном.

Рейнар ушёл. Мы остались вдвоём посреди садовой аллеи, и между нами повисла неловкая пауза.

— Эла'атери, — я коснулась её локтя. — Как ты? Что было с тобой эти полгода?

Она помолчала, потом указала в сторону одной из беседок.

— Пойдём, присядем.

Мы прошли в маленькую беседку, укрытую среди кипарисов. Сели на каменную скамью. Эла'атери сложила руки на коленях — жест, которого я за ней раньше не замечала.

— Ты хочешь знать, что было, — произнесла она нарочито тихо. — Хорошо, я расскажу.

Голос подруги звучал ровно, но в нём появилась новая, незнакомая мне прежде жёсткость.

— Когда Дариан пал, Рила'адерон отпустил светлых эльфиек. Их нахождение в гареме было формальным — Дариан не любил светлых эльфов, ты знаешь это не хуже меня. Они не делили с ним ложе, их держали ради выгодной партии в будущем. Этот факт известен всем.

Она помолчала.

— Полукровкам досталось хуже.

Я молчала, боясь вставить неуместное слово.

— Почти всех, с кем я жила, с кем делила трапезу и секреты, — казнили. Когда очередь дошла до меня, меня спасло только одно: моя мать была чистокровной эльфийкой. Отец был полукровка, но внешне я пошла в мать. И Рила'адерон сказал, что я более чиста, чем запятнана. Что я не была с Дарианом, и за это он пощадил меня.

Моего лица коснулась горечь. Эла'атери, внимательно наблюдавшая за мной, на секунду задержалась на этой эмоции, но, собравшись с силами, продолжила:

— Рила'адерон выдал меня замуж за Вэл'кара, своего воеводу. Он хороший человек, Малика, не обижает меня. Я не люблю его, но он дал мне защиту и статус.

Я смотрела на неё и чувствовала, как внутри поднимается гнев на обстоятельства, которые сделали её несчастной. На этот проклятый дворец, который перемалывает людей.

— И ты так просто перешла на сторону врага? — вырвалось у меня.

Эла'атери подняла глаза, в которых больше не было наивности. В них была холодная, сдержанная, но отчаянная злость.

— Он мне не враг, — отчеканила она. — Дариан бросил нас умирать. Он взял с собой только тебя, Малика, потому что тобой дорожил. А мы? Мы остались без защиты, без покровителя. Нас резали, как скот, а он бежал в изгнание и даже не обернулся.

— Он не мог...

— Мог! — Её голос зазвенел от ярости. — Он был Повелителем. Даже побеждённый, он мог потребовать защиты для тех, кто жил в его гареме. Мог договориться, мог хотя бы попытаться, а он просто ушёл.

Я замолчала, потому что в её словах была горькая, неудобная правда, которую я не хотела признавать. Дариан действительно ушёл и взял с собой только меня — потому что я нужна была ему, а остальных оставил.

— Рила'адерон — не враг, — повторила Эла'атери тише. — Он тот, кто спас меня. Когда все отвернулись, он сохранил мне жизнь и дал новый дом. Да, он жёсткий, он строит мир, в котором чистая кровь ценится выше, я не поддерживаю эти взгляды, но я жива, Малика. Жива.

Я встала, Эла'атери тоже поднялась.

— Что ж, — произнесла я, глядя ей в глаза. — Видимо, мы теперь по разные стороны, Эла'атери.

— Выходит, что так, — ответила она.

Я уже повернулась, чтобы уйти, когда её голос догнал меня:

— Не суди меня, Малика. Прежняя ты бы не стала.

Я остановилась, не оборачиваясь.

— Прежней меня больше нет, — ответила я и вышла из беседки.

Я шла по дорожке, не разбирая пути, и мысли метались, как перепуганные птицы. Моя наивная, светлая Эла'атери, которая когда-то плакала из-за наёмника, теперь стояла передо мной с жёстким взглядом и говорила, что враг — не Рила'адерон, а Дариан. Что Дариан бросил их. Что они все погибли бы, если бы не новый Повелитель. Это было невыносимо, потому что я понимала её. И от этого становилось только хуже. Я не знала, сколько прошло времени. Очнулась я только у двери в свои покои и задумчиво прошла в свою комнату.

Завтра на рассвете мы уедем, я вернусь в Аэн'мор — к своим книгам. А здесь останутся Ирман, Кайлина, Эла'атери — люди, с которыми я когда-то делила одну судьбу и которые теперь разошлись со мной по разным дорогам. Мысли крутились по кругу, и где-то среди них, как назойливый мотив, билось одно и то же: что же с тобой случилось, Ирман? Что случилось со всеми нами?

Глава 8

После разговора с Эла'атери мне нужно было отвлечься, нет — не так, мне нужно было вспомнить, кто я такая. Я — Хранительница казны Аэн'мора, женщина, которая выбила себе место своими силами, а не юная дурочка, которая сидит у фонтана в драной шали и ждёт какого-то мужчину. С меня хватит. Я нашла Рейнара в его комнате — он как раз переодевался к вечеру, сменив дорожный камзол на тёмно-синюю рубашку с расшнурованным воротом и мягкие кожаные штаны. Волосы мужчины небрежно спадали на густые брови, и, надо признать, в домашней одежде он выглядел куда привлекательнее.

— Ты что-то ещё разузнал? — спросила я, чтобы он не успел заметить моё замешательство.

— Пока ничего нового, моя дражайшая Властительница Цифр. — Он поправил ворот и нахально подмигнул мне. — Но вечер только начинается.

— Тогда спускаемся в общую гостиную вместе.

Рейнар удивлённо приподнял бровь.

— Как скажешь, моя прелесть. Но раньше ты избегала местного общества.

— Раньше я была дурой. Теперь же я хочу посмотреть на людей, с которыми мы делим гостевое крыло. Хватит прятаться, хочу обзавестись полезными знакомствами — завтра мы уедем, и кто знает, когда снова выпадет такой шанс.

— Ну наконец-то! — Рейнар широко улыбнулся. — Я уж думал, ты до конца жизни будешь прятать свою красоту за закрытой дверью. Идём, моя дражайшая Королева Налогов. Обещаю — скучно нам не будет.

Общая гостиная встретила нас гулом голосов, смехом и запахом жареного мяса, вина и дорогого табака. Это была большая комната с высоким потолком, поистине впечатляющим камином и массивными деревянными столами, расставленными без особого порядка. Магические светильники здесь горели мягким золотистым светом, теплее, чем в остальном дворце, и от этого помещение казалось по-домашнему уютным.

Публика собралась пёстрая. За одним столом шумели купцы из Тер'эн'валь — люди в дорогих, но безвкусных камзолах, с перстнями на пальцах и громкими голосами. За другими — двое горных эльфов в кожаных куртках с серебряным шитьём, похожих на ту, что носил Рейнар, тихо беседовали, склонившись над картами. У камина расположился пожилой гном с окладистой седой бородой — он курил длинную трубку и задумчиво смотрел на огонь. Несколько чиновников-дроу в строгих камзолах сидели в углу, отдельно от всех, и о чём-то негромко переговаривались. И повсюду пестрели полукровки всех мастей и оттенков, именно они составляли большинство гостей. Именно они были тем клеем, который связывал все остальные расы воедино — даже сейчас, когда новый порядок пытался их разделить.

— Неплохо, — тихо сказала я, придиричливо оглядывая зал. — Очень неплохо.

— Я же говорил, — хмыкнул Рейнар. — Здесь собираются все, кому не сидится в своих покоях. И знаешь что? Половина из них знает то, чего не знает сам Совет.

Он подхватил с подноса проходящего мимо слуги два бокала вина, один вручил мне и двинулся в центр зала. Я же, наоборот, задержалась у входа, приглядываясь к публике. Мне нужны были полезные люди. Те, кто мог дать информацию, связи, доступ к тому, что скрыто за стенами этого дворца. Первым, кого я отметила, был дроу средних лет с длинным узким лицом, чиновник из столичного казначейства, которого упоминал Рейнар. Он сидел в одиночестве, потягивая вино, и выглядел так, словно его только что отчитали. Я скользнула к его столику.

— Добрый вечер, — произнесла я, присаживаясь напротив. — Леди Малика, Хранительница казны Аэн'мора. Мы, кажется, не представлены.

Чиновник поднял на меня глаза и чуть не поперхнулся.

— Эр'ван, — представился он. — Младший архивариус. Я видел вас вчера в Зале Совета, ваш доклад был впечатляющим.

— Благодарю. — Я сделала глоток вина. — Скажите, Эр'ван, как давно вы служите в казначействе?

— Около тридцати лет, — ответил он, и в его голосе промелькнула гордость.

— Должно быть, вы знаете столичные финансы вдоль и поперёк.

— Пожалуй. — Он чуть расслабился. — Я веду архив транзитных пошлин.

Я улыбнулась. Транзитные пошлины — это именно то, что меня интересовало.

— Тогда у нас с вами много общего, — я подалась чуть вперёд, приоткрывая изящную линию шеи. — Мой отчёт вскрыл недоплаты на торговле с Тер'эн'валь. Думаю, вы могли бы помочь мне кое в чём разобраться...

Через полчаса я знала, что Эр'ван давно подозревал махинации с пошлинами, но боялся доложить об этом наверх: его непосредственный начальник был из рода, близкого к Вэлиану. Он согласился передавать мне копии отчётов, если я гарантирую анонимность. Я гарантировала и получила ещё одного тихого, но ценного союзника в столице. Вторым полезным знакомством оказался купец из Тер'эн'валь по имени Бранн — грузный, краснолицый мужик с громким смехом и цепкими глазами. Он торговал зерном и шерстью и горько жаловался на новые таможенные правила, которые душили торговлю с дроу.

— Это всё политика, леди, — гудел он, размахивая бокалом. — Король Годрик не хочет войны, а Повелитель давит на него всё больше. Чем хуже торговля — тем сговорчивее корона. А тут ещё эта помолвка...

— Что вы думаете о помолвке? — спросила я как бы невзначай.

— А что тут думать? — Бранн сплюнул в камин. — Годрик в ярости. Его двор расколот: одни говорят — принять невесту и торговаться за преференции, другие — отказаться и готовиться к войне. А народ... — Он покачал головой. — Народ злится, им не нужна эльфийская королева.

Я сделала мысленную пометку. Значит, в Тер'эн'вале беспокойно. Это может сыграть на руку — или наоборот, всё испортить. Третьим человеком, с которым я перекинулась парой слов, оказалась немолодая эльфийка из Ллос'эн'эйра — леди Эйли'эн, представительница одного из древних лесных родов. Она была здесь с миссией: её семья искала союзников для оспаривания нового указа о «чистоте крови», который ограничивал права смешанных браков.

— У моей племянницы муж — полукровка, — сказала она полным сдержанного гнева голосом. — Прекрасный человек, умный, достойный. А теперь его лишают права владеть землёй только потому, что его мать была человеком. Это неслыханно.

— И много таких, как вы? — спросила я.

— Больше, чем Повелитель думает, — ответила она. — Мы не шумим, мы ждём.

Я обменялась с ней парой фраз, запомнила имя рода и заверила, что в Аэн'море всегда рады тем, кто ищет справедливости. Рейнар сидел в центре зала, окружённый слушателями, и рассказывал очередную байку — кажется, про то, как отбил караван от разбойников на Восточном тракте. Толпа гудела от смеха. Две молодые полукровки — купеческие дочери, судя по одежде, — сидели по обе стороны от него, хихикали и смущённо краснели, когда он отпускал им комплименты.

— ...и тогда я сказал: «Господа, вы, конечно, можете забрать зерно, но сперва вам придётся забрать мой меч. А он, знаете ли, довольно острый», — Рейнар широко улыбнулся, и одна из девушек восхищённо ахнула.

— А что было дальше? — спросил кто-то из купцов.

— Дальше? Дальше они передумали и даже заплатили за проход. — Рейнар развёл руками. — Я же говорил: дипломатия хороша только в паре с крупными кулаками.

Новый взрыв смеха. Я усмехнулась, глядя на Рейнара. Он был в своей тарелке — свободный, обаятельный, настоящий. Сегодня днём он ревновал меня к каждому встречному, а теперь сам купался в женском внимании, совершенно не замечая этого противоречия. Впрочем, я не осуждала. Он имел право на свою манеру справляться с напряжением. Как и я — на свою.

Я сидела в углу, потягивая вино, и чувствовала, как напряжение последних дней понемногу отпускает. Я сделала всё, что могла, использовала этот вечер с толком, а завтра отправлюсь домой. Рейнар, слегка покрасневшийся и явно навеселе, плюхнулся на стул рядом со мной.

— Ну что, моя дражайшая Императрица Интриг, — он кивнул в сторону зала, — я развлёк публику, раздал комплименты и узнал, что у старшего горного эльфа подагра, а у того гнома — внучка на выданье. А ты?

— А я обзавелась полезными знакомствами, — ответила я. — У нас теперь есть информатор в казначействе, союзник в Тер'эн'валь и целый эльфийский род, который недоволен Рила'адероном.

Рейнар присвистнул.

— А ты времени зря не теряла.

— Я же говорила: хватит мандражировать, пора работать.

Он тепло, на этот раз без обычной иронии, улыбнулся.

— Знаешь, Железная Счетоводка, иногда я думаю, что ты могла бы управлять этим королевством лучше, чем все их Советы вместе взятые.

— Не сомневаюсь, — ответила я. — Но пока меня устраивает Аэн'мор.

Мы допили вино и разошлись по комнатам. Я вернулась в свои покои, когда магические светильники в коридорах уже притушили, оставив только дежурное сияние у лестниц. Лисса дремала в кресле у двери — я тихо коснулась её плеча.

— Иди спать, Лисса. Ты мне больше не понадобишься.

Она встрепенулась, пробормотала благодарность и исчезла в полумраке коридора. Я вошла в комнату, закрыла дверь и наконец позволила себе шумно выдохнуть, скинула туфли, стянула платье и надела простую льняную ночную рубашку. Затем умылась, забралась в постель, укрылась одеялом и закрыла глаза.

Сон не шёл. Мысли крутились по кругу: Ирман в беседке с Рила'адероном, Эла'атери с её ледяным взглядом, петиция, о которой рассказал Рейнар, завтрашний отъезд. Я ворочалась с боку на бок, взбивала подушку, считала овец — бесполезно. Слишком много всего произошло за эти дни. Где-то вдалеке дворцовые часы пробили полночь. Поворачиваясь на другой бок, я услышала едва различимый, осторожный — словно кто-то провёл ладонью по дереву, шорох. Я замерла, прислушиваясь.

Тишина, может, показалось? Я уже убедила себя, что это ветер или мышь, когда звук повторился, теперь отчётливее: кто-то точно стоял под моей дверью. Следом последовали шебуршание ткани, тихий вздох — и наконец стук. Три коротких, почти неслышных удара костяшками по дереву. Если бы я спала, то не услышала бы их. Я села в кровати, прижимая руки к сердцу. Кому понадобилось стучать в мою дверь посреди ночи? Рейнар? Нет, он был навеселе и наверняка уже спал. Лисса? Она бы просто вошла. Кто-то из новых знакомых? Вряд ли.

Я поднялась, накинула на плечи простой серый халат из мягкой шерсти и на цыпочках подошла к двери. Помедлила секунду, положив ладонь на засов. Затем резко отодвинула его и приоткрыла дверь.

На пороге стоял Ирман. Он выглядел растерянным. Светлые волосы, обычно аккуратно зачёсанные, теперь были слегка взъерошены, словно он провёл по ним рукой не один раз за последнее время. Тёмно-зелёный камзол расстёгнут у ворота, под ним виднелась простая белая рубашка. Вот так он и застыл — усталый, напряжённый, с тенью сомнения в дорогах сердцу

серых глазах. Он явно не ожидал, что я открою так быстро, или, скорее, вообще не ожидал, что я открою.

— Малика, — произнёс он тихим шёпотом.

Я стояла в проёме, одной рукой придерживая халат у шеи, и смотрела на него. В коридоре было темно, только далёкий светильник у лестницы отбрасывал на его лицо мягкие тени. Мы замерли друг напротив друга — я на пороге своей спальни, он на пороге чего-то, чего сам, кажется, до конца не принимал.

Глава 9

— Что ты делаешь здесь среди ночи? — выдохнула я.

Он не ответил, продолжая смотреть на меня, в его глазах отражалось то, чего я не видела раньше: мучительное желание быть ближе. Словно он пришёл сюда против собственной воли, будто неведомая сила выдернула его из постели и привела к моей двери.

— Прости, — хриплым голосом произнёс он наконец. — Я не должен был... уже поздно, я ухожу.

— Нет, — сорвалось с моих губ прежде, чем я успела подумать.

Он поднял взгляд к моему лицу, я отступила на шаг, пропуская его в комнату. Сама не знаю, зачем это сделала. Может быть, потому что устала ждать или потому что завтра на рассвете я уеду, и кто знает, когда мы увидимся снова. А может быть, просто потому, что я — взрослая женщина, и я больше не собираюсь прятаться от того, чего хочу. Ирман колебался. Я видела, как борются в нём долг и желание, — мышцы на скулах напряглись, пальцы сжались в кулаки. А потом он шагнул в комнату и тихо прикрыл за собой дверь.

Мы остались вдвоём в полумраке. Единственный светильник у кровати отбрасывал на стены дрожащие тени. Я стояла спиной к борту кровати, он — у двери, и несколько бесконечных секунд мы просто смотрели друг на друга. Слишком много всего пролегло между нами: полгода разлуки, его молчание, моя обида, слова, сказанные в библиотеке, и те, что так и не были сказаны.

— Ирман, — прошептала я, не узнавая собственный голос.

И он сорвался, в два шага пересёк комнату и резко, сильно, так что я охнула, прижал меня к себе. Его ладони заскользнули по моим плечам, сминая тонкую ткань халата, одна рука зарылась в распущенные волосы на затылке. Он притянул меня ближе — так близко, что я почувствовала жар его тела сквозь рубашку. А потом его губы накрыли мои поцелуем. Это был не тот осторожный поцелуй, что случился в архиве полгода назад. Этот был голодным, жадным, злым. В нём Ирман выразил всё: тоску, ярость, одиночество и пропасть недосказанных слов.

Я отвечала с той же силой, путаясь пальцами в его непривычно коротких, но таких мягких волосах. Он застонал мне в губы, поднял меня за талию, сделал несколько размашистых шагов и прижал меня спиной к стене, навалившись всем телом. Его губы скользнули ниже — по подбородку, по шее, к ямочке у ключицы. Я выгнулась навстречу, чувствуя, как халат сползает с плеча, как его пальцы сжимают мою талию сквозь тонкий лён ночной рубашки. Сердце бешено колотилось, дыхание сбилось. Я льнула к нему всем телом, не оставляя между нами ни миллиметра, и он отвечал тем же — прижимал меня к стене, словно боялся, что я исчезну, если он разожмёт руки хоть на миг.

— Малика, — выдохнул он, отрываясь от моих губ дрожащим голосом.

Я потянулась к нему снова, но он вдруг остановился. Тяжело дыша, упёрся лбом в мой лоб и закрыл глаза.

— Нет, — прошептал он. — Нет, не так.

Его руки всё ещё сжимали мои плечи, но уже не притягивали — удерживали на расстоянии. Я чувствовала, как бешено колотится его сердце, как дрожат пальцы, как напряжена каждая мышца. Он боролся с собой — и эта борьба давалась ему тяжелее любой битвы.

— Ты завтра уедешь, — произнёс он глухо. — А я останусь здесь. И если я сейчас...

Он осёкся. Отпустил меня и отступил на шаг. Его лицо в полумраке было мучительно красивым — взъерошенные волосы, припухшие от поцелуев губы, лихорадочный блеск в глазах. Широкая грудь тяжело вздымалась.

— Прости, — выдохнул он. — Я не должен был приходить.

— Но ты пришёл, — хрипло ответила я, всё ещё прижимаясь спиной к стене, потому что собственные ноги не держали.

— Да. — Он криво усмехнулся. — Не удержался. Но я не хочу, чтобы ты... чтобы это было вот так впопыхах с мыслью, что завтра нас разделит полкоролевства. Ты заслуживаешь большего.

Я смотрела на него — такого растерянного, такого непривычно уязвимого — и чувствовала, как ярость, душившая меня последние дни, понемногу отступает. Он пришёл, он здесь и он остановился в момент страсти, потому что не хотел причинить мне боль.

— Когда придёт время, я всё объясню, обещаю, — сказал он тихо. — А пока... — он подошёл ближе, но теперь осторожно, словно боялся спугнуть. Взял мою руку и поднёс к губам. Поцелуй вышел долгим, бережным, благоговейным. — Просто знай: я думал о тебе каждый день. Каждый день, Малика.

Он отпустил мою руку, поправил ворот рубашки и направился к двери. У порога обернулся.

— Завтра на рассвете я провожу тебя.

И вышел, тихо притворив за собой дверь. Я осталась одна. Медленно сползла по стене, села на пол и обхватила колени руками. Губы горели, кожа всё ещё помнила его прикосновения, а сердце колотилось так, словно я пробежала милью. Он пришёл, сказал, что думал обо мне каждый день, и, зная его, не врал.

Я не знала, злиться мне или плакать от облегчения. Поэтому просто сидела на полу, смотрела на догорающий светильник и глупо улыбалась в темноту. Завтра на рассвете мы с Рейнаром уедем. Но сегодня он был здесь, и это переворачивало всё.

Утро наступило слишком быстро. Я открыла глаза, когда за окном ещё сгустились пред-рассветные сумерки, и несколько мгновений просто лежала, собираясь с мыслями. Губы всё ещё помнили его поцелуй, руки — жар его тела сквозь тонкую рубашку. Я прижала ладонь к груди, где всё ещё неровно билось сердце, и улыбнулась. А потом я встряхнула головой, отбросила одеяло и встала. Хватит, пора возвращаться домой.

Лисса уже ждала в коридоре с подносом, она принесла лёгкий завтрак и горячую воду для умывания. Я быстро привела себя в порядок, надела дорожное платье и проверила, все ли вещи собраны. В сумке нашлись свитки, копии отчётов, записи о новых знакомствах, выходит, ничего не забыла. Рейнар уже ждал меня внизу. Он выглядел бодрым, несмотря на вчерашнюю попойку. Мужчина накинул дорожный плащ, закрепил меч на поясе и растянул губы в неизменной усмешке.

— Доброе утро, моя дражайшая Королева Отчётов. Готова к путешествию?

— Готова, — ответила я, поправляя сумку на плече.

— Тогда идём. Карета подана, распорядитель уже заждался.

Мы вышли в сад гостевого крыла. На улице было освежающе прохладно, ночью прошёл короткий дождь, и на листьях кипарисов блестели мелкие капельки в первых лучах солнца. Я на мгновение остановилась, вдохнула запах мокрой зелени, камня, едва уловимый запах дыма из кухонных труб и направилась дальше. Прощай, дворец Мор'эн'тара, надеюсь, мы ещё увидимся.

У ворот гостевого крыла нас ждали. Я ожидала увидеть распорядителя и, может быть, кого-то из стражи. Перед воротами стоял Ирман, и не один. Рядом с ним, выпрямив спину и сложив руки перед собой, стояла Кайлина. На ней было тёмно-фиолетовое платье, чьи шелка струились до земли, на плечи девушка накинула лёгкую серую накидку, спасающую от утренней прохлады. Она выглядела как истинная хозяйка этого дома. Чуть позади Кайлины стояла Астремей. Ирман держался на шаг позади Кайлины — как и подобает советнику, со спокойным выражением лица. Никто не заподозрил бы, что несколько часов назад этот человек стоял

в моей спальне и сжимал меня в пылких объятиях. Но я видела, как в его глазах, под маской официальной невозмутимости, плескалась глубокая тоска.

— Леди Малика, господин Рейнар, — произнесла Кайлина. — Я пришла пожелать вам доброго пути. Вы проделали важную работу, и Совет оценил её по достоинству. Земли полукровов могут гордиться своей Хранительницей.

Я поклонилась настолько, насколько требовал этикет.

— Благодарю, леди Кайлина. Ваше гостеприимство было безупречным.

— Мы всегда рады тем, кто служит королевству честно, — в её серых глазах мелькнул и тут же погас отблеск теплоты. — Пусть дорога будет лёгкой.

Рейнар поклонился и направился к карете — то ли из вежливости, то ли потому что снова почувствовал себя лишним. Я уже собиралась последовать за ним, когда Ирман шагнул вперёд.

— Позвольте, леди Малика, — произнёс он официальным тоном, — я провожу вас до кареты. Как советник, курирующий торговые соглашения, я хотел бы уточнить один момент из вашего доклада.

Кайлина бросила на него короткий взгляд, но ничего не сказала. Я кивнула, и мы медленно двинулись к карете, отойдя на несколько шагов от остальных. Ирман шёл рядом, не глядя на меня. Руки держал за спиной, и я заметила, как пальцы его нервно сжаты.

— Вы хорошо выступили с докладом, — достаточно громко сказал он. — Совет был впечатлён.

— Благодарю.

Он остановился у кареты — так, чтобы заслонить нас от посторонних глаз своей спиной, — и быстро, незаметно для остальных, вложил мне в ладонь что-то прохладное и гладкое. Я опустила взгляд. На моей ладони лежала фамильная фибула — застёжка для плаща из серебра. Изящная работа: две переплетённые ветви, образующие круг, и в самом центре — крошечный, тёмно-синий, почти чёрный камень, похожий на сапфир. Он отливал глубокой синевой, только если поймать свет под правильным углом.

— Это фамильная реликвия, — тихо произнёс Ирман. — Фибула рода Файси'аэрион. Её носили моя мать и моя бабка. Я хочу, чтобы она была у тебя.

— Ирман... — Я подняла на него глаза. — Это слишком ценная вещь. Я не могу...

— Можешь. — Его голос прозвучал резко, и в нём прозвучала боль, которую я не сразу осознала. — Возьми. Я хочу, чтобы ты всегда знала одну вещь.

— Знала что?

Он помолчал. Его тёплые, сухие пальцы, чуть дрогнувшие на мгновение, накрыли мою ладонь. Кайлина и Астремей стояли в десятке шагов и не могли видеть этого жеста, но Рейнар, уже сидевший в карете, наверняка заметил. Впрочем, сейчас мне было всё равно.

— Ты — единственная, — произнёс Ирман почти шёпотом. — Единственная женщина, которую я любил и всегда буду любить.

Сердце пропустило удар.

— Тогда почему...

— Потому что не всё в нашей власти, Малика. — Он мягко убрал руку и выпрямился. В его серых глазах плескалась такая тоска, что у меня самой заныло сердце. — Носи её и помни: что бы ты ни услышала обо мне в будущем, что бы ни случилось — я хотел другого, хотел тебя одну.

Он отступил на шаг, снова возвращая на лицо официальную маску бесстрастного советника, и громко произнёс:

— Счастливого пути, леди Малика. Надеюсь на дальнейшее сотрудничество.

Я стояла как громом поражённая, сжимая фибулу в кулаке. Его слова звенели в голове, и я никак не могла понять, что за ними стоит. Но в одном я была уверена: он прощался так, как

прощаются навсегда. Я заставила себя сесть в карету. Рейнар сидел, откинувшись на сиденье, и пристально смотрел на меня, когда я вошла.

— Что он тебе сказал? — спросил он, едва карета тронулась.

— Ничего важного, — ответила я, убирая фибулу под плащ. — Просто попрощался.

— Врёшь, — спокойно сказал он. — Но я не настаиваю.

Я отвернулась к окну. Карета выехала за ворота, и дворец Эрайтариен начал медленно отдаляться. Я смотрела на мраморные статуи предков, на увитую плющом беседку, на сад, где пряталась в кустах, на калитку, через которую Ирман уходил в главное крыло. Фигуры у ворот становились всё меньше: прямая и неподвижная Кайлина, Астремея рядом с ней, слуги, распорядитель. И Ирман. Он стоял чуть поодаль, но я всё ещё видела его светлые волосы и тёмно-зелёный камзол. Я прижала ладонь к груди, где под плащом, у самого сердца, лежала серебряная фибула. Маленький кусочек его рода, признание и прощание.

— Прощай, — прошептала я одними губами, позволяя слезам течь. — Прощай, Ирман.

Дворец скрылся за холмом, и карета покатила по Восточному тракту — туда, где нас ждали дожди, счета и Земли полукровок. Я откинулась на сиденье, закрыла глаза и почувствовала, как по щеке скатилась последняя слеза. Он любил меня, но отпустил.

Я не знала, что ждёт его впереди. Не знала, какие планы строит Рила'адерон. Впереди был дом, но глубоко внутри, под слоем спокойствия и иронии, уже поселилась острая, как лезвие ножа, мысль. Я вернусь и узнаю правду. И если тот, кто отнял у меня Ирмана, думает, что я смирюсь, — он плохо знает женщин, прошедших через гарем Тёмного повелителя.

Глава 10

Я увидела тощую, взъерошенную фигурку Лира, подпрыгивающую от нетерпения изда- лека, как только карета выехала на главную улицу Аэн'мора. Он стоял прямо под моросющим небом, без плаща, и, кажется, даже не замечал, что промок до нитки.

— Госпожа Хранительница! Господин Рейнар! — закричал он, бросаясь к карете, едва та остановилась. — Вы вернулись! Слава Бездне, вы вернулись!

Рейнар выбрался первым, потянулся, хрустнув плечами, и оглядел Лира с ленивой усмешкой.

— Ну что, малец, докладывай. Без нас тут всё разворовали?

— Нет! — Лир замотал головой так энергично, что капли дождя разлетелись во все сто- роны. — Я всё охранял! Старейшина Корвин хотел протолкнуть закупку зерна у горных эль- фов — говорил, что у них урожай в этом году хороший, и ждать вас нельзя, и вообще...

— И ты? — спросила я, выбираясь из кареты.

— А я не подписал! — гордо сказал Лир и выпрямился. — Сказал: Хранительница казны вернётся и сама примет решение. А бумаги я ему ни одной не дал.

Рейнар расхохотался и хлопнул Лира по плечу так, что тот едва не упал.

— А ты растёшь, счетовод-младший. Ещё немного — и станешь опасен для общества, как твоя наставница.

— Господин Рейнар! — Лир покраснел, но было видно, что похвала ему приятна.

Я впервые за долгое время по-настоящему улыбнулась. Мы вернулись. Я повернула ключ и толкнула дверь казначейства. В нос ударил запах цветов и горькой травы — это моя экономка развесила пучки полыни и лаванды под потолком. Немолодая полукровка Марта с вечно под- жатыми губами, но добрейшим сердцем, которое она тщательно скрывала за напускной стро- гостью, пояснила мне однажды: «Полынь и лаванда помогают от сырости». Так этот запах стал родным, домашним для меня.

Само здание казначейства представляло собой старый купеческий особняк, перестроен- ный под нужды администрации Аэн'мора. Первый этаж занимала собственно казна — большая комната с дубовыми стеллажами, где хранились книги учёта, свитки с отчётами и налоговые ведомости. Там же стоял мой массивный рабочий стол из тёмного дерева с потайным ящиком, который я обнаружила случайно.

Второй этаж являлся моим домом. В моём распоряжении были три небольшие комнаты — спальня, гостиная и крошечный кабинет, который я обустроила для вечерней работы. Обста- новка в доме была скромной: простая деревянная кровать с периной, набитой овечьей шерстью, письменный стол у окна, кресло с резными подлокотниками (подарок старейшины Корвина на новоселье) и шкаф для одежды, в котором висело три платья — два синих рабочих и одно серое, для официальных выездов. Голубое, от Грайши, я ещё не успела в него убрать. Но эта простота была моим выбором. Я сама выбирала каждый предмет, решала, где что будет стоять. Впервые в жизни у меня был дом, принадлежащий только мне, — не съёмная квартира с вечно недовольной квартирной хозяйкой, не покои наложницы во дворце, где в любой момент могли явиться стражники и выволоочь тебя в темницу.

Я поднялась наверх, скинула дорожный плащ и наконец выдохнула. Марта уже суешила, разбирая вещи и причитая, что я исхудала, что во дворце, наверно, совсем плохо кормят, и что нужно немедленно приготовить горячий суп. Я не спорила. Пообедав, я отправилась в казну. Главная Счетоводная Книга лежала на столе, я провела по ней ладонью, ощупала шершавую кожу, чуть влажную от вечной сырости Аэн'мора. Здесь было понятно, и я знала, что нужно делать.

— Скучала по своей Книге, моя несравненная Повелительница Чернил? — раздался бархатистый голос от двери.

Рейнар стоял, привалившись плечом к косяку, и нахально ухмылялся. После возвращения в Аэн'мор он снова стал дерзким, расслабленным и невыносимым. Во дворце он напрягался, сканировал пространство, держал осанку. Здесь — расслабил плечи, расстегнул ворот рубашки и, кажется, сбросил лет двадцать вместе с дорожным плащом.

— Она хотя бы не спорит со мной, — ответила я, кивая на Книгу.

— А я спорю?

— Ты — постоянно. Это твоя основная форма общения.

— Неправда, — он картинно прижал руку к сердцу. — Моя основная форма общения — комплименты, просто ты их игнорируешь.

— Я их игнорирую, потому что ты делаешь их по три раза в день, и они давно не работают.

— А если я скажу, что ты сегодня особенно грозная и сексуальная в своём синем платье? — Он склонил голову набок, разглядывая меня с откровенным удовольствием.

— Я скажу, что ты опоздал с комплиментом на полгода. Это платье ты видел уже раз сто.

— Значит, сто первый раз оказался самым эффектным. — Он оттолкнулся от косяка и шагнул в комнату. — Ладно, оставим платье. Я вообще-то пришёл по делу.

Я отложила книгу и посмотрела на Рейнара внимательнее.

— По какому?

— Вечером в «Пяти аршинах» собирается народ: купцы, ремесленники, пара человек из совета старейшин. Все хотят поблагодарить Хранительницу казны за доклад в Совете. Слухи о твоём выступлении долетели сюда быстрее, чем наша карета. — Он усмехнулся. — Говорят, ты заставила Совет задуматься, такое здесь ценят.

— Я просто показала им цифры, это моя работа.

— О, моя скромная Властительница Расчётов, — Рейнар покачал головой. — Ты показала цифры так, что они полчаса не могли оторвать от тебя своих взглядов. Для Аэн'мора это громкое событие. Так что ты идёшь в таверну, хочешь ты того или нет.

Я хотела отказаться, но потом передумала. Вечер среди своих — это именно то, что нужно, чтобы окончательно почувствовать, что я дома.

— Хорошо, — сказала я. — Дай мне час, проверю за Лиром и приду.

— Жду с нетерпением, моя дражайшая Королева Цифр. — Он отвесил шутовской поклон и вышел.

Я проводила его презрительным взглядом, а затем невольно улыбнулась. В Аэн'море всё было легче, даже выносить Рейнара.

«Пять аршинов» в тот день гудел. Вечерний наплыв посетителей был в самом разгаре: купцы, ремесленники, стражники, чиновники — все собрались в прокуренном зале, где пахло жареным мясом, свежим хлебом и хмелем. В углу кто-то играл на лютне, и мелодия смешивалась с гулом голосов, создавая тот особенный, уютный шум, который бывает только в местах, где люди собираются не ради выгоды, а ради компании. Мы с Рейнаром заняли наш обычный столик в углу. Он заказал две кружки эля, и мы молча выпили за возвращение. Рейнар вдруг стал серьёзным.

— Рассказывай, — сказал он, понижая голос. — Что ты вынесла из поездки? Кроме того, что я и так знаю.

Я покрутила кружку в руках.

— Двор расколот сильнее, чем мы думали, — ответила я. — Рила'адерон давит, но не все готовы это терпеть. Есть аристократы, которые хотят вернуть Дариана, и есть петиция против чистоты крови. А ещё раскол среди людей — король Годрик мечется между войной и миром.

Рейнар помолчал, отхлебнул эля.

— И что нам делать?

— Пока не знаю, — честно ответила я. — Но я не собираюсь сидеть сложа руки. Если Рила'адерон думает, что может распоряжаться людьми как пешками, — ему придётся иметь дело со мной.

Рейнар посмотрел на меня долгим взглядом, серьёзно, без обычной иронии, кивнул.

— Вот за это я тебя и уважаю, Железная Счетоводка. Ты никогда не сдаёшься.

Мы допили эль и заказали ещё по одной. Остаток вечера прошёл спокойно: Рейнар рассказывал о том, как за время нашего отсутствия горные эльфы пытались поднять пошлину на проход через ущелье, но получили от ворот поворот от местной стражи. Я слушала, кивала, смеялась над его шутками — и чувствовала, как напряжение последних дней понемногу отпускает. Здесь я была не просто леди Маликой, здесь я была своей.

Марта погасила светильники в гостиной и ушла к себе, только тогда я достала фибулу Ирмана. В спальне горела только одна свеча на прикроватном столике. Я сидела на кровати, в ночной рубашке, и держала вещицу на ладони. Две переплетённые серебряные ветви и крошечный тёмно-синий камень в центре. Сколько всего сразу собрано в ней, в фамильном украшении рода Файси'эрион. Я повернула фибулу в пальцах, камень поймал свет свечи, и на мгновение в нём вспыхнула глубокая, почти чёрная синева, как ночное небо над Аэн'мором в безлунную ночь.

«Ты — единственная женщина, которую я любил и всегда буду любить».

Я сжала фибулу в кулаке, поднесла к губам. Металл был холодным, но постепенно нагревался от моего дыхания. Он прощался со мной и всё равно пришёл в ту ночь. Всё равно отдал мне самое дорогое, что у него было. Я покрутила фибулу ещё немного, провела пальцем по изгибу серебряной ветви. Вещь была красивая, но не броская — такую можно носить незаметно, спрятав под воротом. Никто не догадается, что это фамильная драгоценность озёрных эльфов. Никто не узнает, что значит для меня этот кусочек металла. Я положила фибулу под подушку, но через минуту снова достала её. Так и держала в руке, чувствуя ладонью её вес, её тепло.

Что он сейчас делает? Спит в своей комнате в гостевом крыле? Или тоже сидит у свечи и думает обо мне?

Я вспомнила его лицо у кареты — как он сказал: «Что бы ты ни услышала обо мне в будущем — я хотел другого». Вспомнила, как он сжимал мою руку, вкладывая фибулу, как поцеловал мои пальцы. Он знает что-то, чего не говорит. Я перевернулась на бок, поджала колени и прижала фибулу к груди. Завтра я начну распутывать эту сеть, но сегодня — только сегодня — я позволю себе просто думать об Ирмане. Он любил меня, единственную, и этого никто у нас не отнимет.

Глава 11

Прошла неделя, а я всё ещё не могла выбросить Ирмана из головы. Днём меня спасала работа. Цифры требовали внимания, не прощали ошибок, и не оставляли времени на пустые мысли. Марта ворчала, что я забываю обедать. Лир носился с отчётами, путался в графах и краснел как мальчишка, когда я указывала ему на ошибки. Рейнар то появлялся то исчезал — у него были свои дела в совете старейшин и на восточном тракте. Но каждый вечер он заходил в казначейство, садился на край моего стола и рассказывал какую-нибудь байку, пока я дописывала последние строки. Он ничего не спрашивал, и я была ему за это благодарна. Работа заканчивалась, Марта гасила светильники, дом затихал и я оставалась наедине с фибулой в руке и мыслями, которые никуда не уходили.

«Что бы ты ни услышала обо мне в будущем — я хотел другого.»

Я прокручивала эту фразу снова и снова, пытаюсь понять, что за ней стоит. Что такого он знал? От чего пытался меня защитить? Ответов не было, значит придётся самостоятельно их найти. На шестой день после моего возвращения Лир принёс весточку с дальних земель вместе с утренней почтой и торжественно вручил мне свиток, перевязанный бечёвкой.

— Из столицы, госпожа Хранительница! От самого архивариуса!

— От младшего архивариуса, — поправила я, уже разворачивая пергамент. — И не кричи так, это просто письмо.

— Но из столицы же! — Лир сиял так, будто это ему адресовали послание.

Я отпустила его и углубилась в чтение. Почерк Эр'вана был сухим, забористым, словно каждая буква прошла проверку на соответствие протоколу.

«Леди Малика, — писал он без всяких предисловий, — спешу сообщить, что подготовка к свадьбе Кайлины Эрайтариен и короля Годрика затормозилась. Официально — в связи с необходимостью уточнения условий брачного договора. Неофициально — король людей в ярости. Его советники разделились: одни убеждают принять невесту и выторговать уступки, другие — отказаться и готовиться к войне. Сам Годрик, по слухам, заявил, что скорее женится на горной козе, чем на эльфийской...»

Я усмехнулась. Эр'ван явно боролся с собой, прежде чем написать последнее слово, — оно было зачёркнуто, а сверху выведено: «аристократке». Но я оценила его честность. Далее он сообщал, что в казначействе тихо, но он продолжает отслеживать движение средств по транзитным пошлинам. Данные будут готовы к следующей декаде. Я перечитала письмо и задумалась. Свадьба Кайлины и Годрика затормозилась, новость, безусловно, хорошая, но плохая в том, что король людей в ярости. Если он откажется от невесты, Рила'адерон может найти другой, более радикальный способ надавить на него. Я отложила свиток и потянулась за чистым листом. Ответ Эр'вану вышел коротким: я поблагодарила его и попросила держать в курсе.

Второе письмо на этот раз от леди Эйли'эн, лесной эльфийки, с которой мы пили вино в гостиной дворца настигло меня через день. Её почерк был совсем другим — размашистым, уверенным, с завитушками на заглавных буквах.

«Дорогая леди Малика, — писала она, и в голове зазвучал её низкий, хорошо поставленный голос. — Новости из Ллос'эн'эйра неутешительны. Указ о чистоте крови, о котором мы говорили, ударил по очень многим. Моя племянница более не может владеть землёй. Их семья подала прошение в Совет, но ответа нет. Таких, как они, десятки. Некоторые уже покинули свои дома, опасаясь конфискаций. Несколько старых родов — я не стану называть имён в письме — готовят официальный протест. Но боюсь, Совет заблокирует его так же, как блокирует все прочие. Если у вас есть влияние или связи, способные помочь, — сейчас самое время их использовать. С надеждой на справедливость, леди Эйли'эн».

Я отложила письмо и бросила взгляд в окно. Дождь привычно барабанил по стеклу, но внутри меня всё грохотало от ярости. Десятки полукровок и их семьи лишают прав только потому, что их кровь недостаточно чиста. И всё это происходит здесь и сейчас, пока я сижу над своими отчётами и делаю вид, что меня это не касается. Нет. Меня это ещё как касается. Я снова взялась за перо. Написала леди Эйли'эн осторожный, словно прогулка по тонкому льду ответ. Я не произнесла ни одного лишнего слова, не дала ни одного обещания, которое можно будет использовать против меня. Но между строк я дала ей понять: Аэн'мор открыт для тех, кто ищет справедливости.

— Ты что-то задумала, Счетоводка.

Рейнар сидел напротив меня за нашим обычным столиком в «Пяти аршинах». Вечерний зал гудел: купцы обсуждали цены на зерно, стражники травили байки о разбойниках, кто-то играл в кости в углу. Но Рейнар не обращал внимания на шум. Он пристально, без обычной усмешки смотрел прямо на меня.

— Собираю информацию, — ответила я, отпивая эль.

— Информацию, — повторил он. — Ты переписываешься с архивариусом из столицы и эльфийской аристократкой, а ещё с купцами из Тер'эн'валь. И я почти уверен, что ты написала леди Кайлине, хотя не признаешься в этом даже под пыткой.

Я не ответила.

— Это всё хорошо, — продолжил он, задумчиво понижая голос. — Но ты забываешь о том, что у тебя под носом. Аэн'мор — транзитный узел, через нас идут товары, деньги и слухи. Я могу узнать у местных больше, чем твой архивариус за всю его тридцатилетнюю службу. У меня есть ребята на восточном тракте — бывшие стражники, проводники караванов, они видят всё, что движется из столицы в Тер'эн'валь и обратно. Если кто-то перебрасывает войска или золото — они узнают об этом первыми.

Я отставила кружку и посмотрела на него с интересом.

— И что ты предлагаешь?

— Я предлагаю тебе использовать меня по назначению. — Он откинулся на спинку стула и широко улыбнулся. — Я не гожусь для дворцовых интриг, Счетоводка. Моё поле — здесь. Дай мне декаду — и я буду знать, чем дышит каждая застава от Аэн'мора до Мор'эн'тара.

— А взамен?

— Взамен? — Он наклонился вперёд, и его улыбка стала хищной, опасной. — Взамен я хочу, чтобы ты поужинала со мной. Не здесь, — он обвёл рукой прокуренный зал, — а у меня дома. Я приготовлю что-нибудь приличное, достану вино из личных запасов, и ты расскажешь мне, что на самом деле происходит в твоей очаровательной рыжей головке.

— Ты и так знаешь, что в моей голове.

— Я знаю, что ты хочешь мне показать. — Он покачал головой. — А я хочу знать то, что ты прячешь. — Его взгляд скользнул по моему лицу и остановился на губах. — Ты носишь побрякушку под воротом платья, как святыню, и думаешь, я не замечаю.

Я застыла, Рейнар редко говорил так прямо и никогда — о фибуле.

— Это не твоё дело, — резко сказала я.

— Знаю. — Он пожал плечами, и в его голосе не было ни обиды, ни ревности. — Но я всё равно здесь и всё равно помогу тебе. Не потому что жду, что ты передумаешь, а потому что ты — лучшее, что случилось с этим проклятым Аэн'мором за последние сто лет.

Он поднял кружку.

— Так что давай договоримся. Я беру на себя тракты и местных. Ты — свои письма и столичных аристократов. А когда Рила'адерон споткнётся о нас, мы выпьем за это у меня, под хорошее вино.

Я смотрела на наглого, обаятельного, невозможного Рейнара, который только что признался, что всё знает, и не сделал из этого трагедии. Который не требовал ничего, кроме ужина и честности. Который был рядом — просто потому что хотел.

— Договорились, — честно сказала я и подняла кружку. — Но вино должно быть действительно хорошим.

— О, моя недоверчивая Властительница Расчётов. — Он подмигнул. — Когда ты наконец окажешься за моим столом, вино будет наименьшей из твоих забот.

— Угрожаешь?

— Обещаю.

Мы чокнулись и выпили. Я поймала себя на мысли, что улыбаюсь, потому что он умел пробивать мою броню, сам того не замечая. Или замечая, кто его разберёт.

На следующее утро дождь наконец прекратился, и сквозь облака пробивались робкие солнечные лучи — такая редкость для Аэн'мора, что Марта даже вышла на крыльцо, подставив довольное лицо свету. Я разбирала налоговые ведомости, когда Лир, как всегда, влетел в мой кабинет без разрешения.

— Госпожа Хранительница! Я принёс отчёты от кожевников!

— Положи на стол.

Он положил, но уходить не спешил, переминаясь с ноги на ногу. Я подняла глаза.

— Что-то ещё?

— Нет, я... — Он замялся, теребя край рукава. — Просто хотел спросить... Вы ведь были в Мор'эн'тара, да? В самом дворце?

— Была.

— И как там? — В его голосе смешались любопытство и трепет. — Я никогда не был дальше Восточного тракта. Говорят, там всё из камня и светят магические фонари, дроу везде. И пахнет...

— Пылью и ладаном, — подсказала я. — И да, дроу там везде. Но тебе бы там не понравилось.

— Почему? — Он вытянул шею.

— Потому что там на таких, как мы, смотрят сверху вниз, — сказала я. — И ты не сможешь пройти и десяти шагов, чтобы не почувствовать себя чужим.

Лир притих. Я видела, как он обдумывает мои слова, как в его глазах гаснет восторг.

— Моя мама была человеком, — вдруг сказал он. — А отец — лесным эльфом. Они встретились на ярмарке в Аэн'море, когда мама приехала продавать шерсть. Отец говорил, что влюбился в неё с первого взгляда, хотя над ними смеялись и те и другие.

— Где они сейчас?

— Давно умерли, — просто ответил Лир. — Отец погиб в стычке с разбойниками на тракте, мама заболела через год и угасла. Меня вырастила тётка, её сестра. Она тоже человек.

Он замолчал, глядя в окно. Солнечный луч упал на его лицо, и я снова подметила, насколько он молод. Восемьдесят два года — по человеческим меркам глубокий старик, но по меркам полукровок — мальчишка.

— Вы знаете, каково это, госпожа Хранительница? — спросил он тихо. — Быть везде чужим?

Я вспомнила Челябинск, развод и двоих детей, которых тащила одна. Вспомнила, как проснулась в теле юной наложницы и поняла, что мой прежний мир исчез навсегда.

— Знаю, — сказала я. — Очень хорошо знаю.

Лир кивнул. Он не стал расспрашивать дальше, и я была ему благодарна за это.

— Иди, — сказала я. — Проверь отчёты за прошлую декаду. И не перепутай на этот раз «провиант» с «непредвиденными издержками».

Он робко, но искренне улыбнулся и выскользнул за дверь.

Я осталась одна. Разговор с Лиром всколыхнул то, что я старалась не замечать. Все эти люди — Лир, Марта, купцы, ремесленники, полукровки Аэн'мора — они жили здесь не потому что хотели, а потому что больше нигде. Их выдавили из столицы, из лесов, из городов, где чистая кровь стала пропуском в нормальную жизнь. То, что делал Рила'адерон, — не просто политика, это методичное, холодное разрушение чужих судеб. Вечером, оставшись одна, я снова достала фибулу. Покрутила в пальцах, привычно поймала свет свечи в тёмно-синем камне.

«Ты — единственная женщина, которую я любил».

Я сжимала её в руке и думала об Ирмане и о том, что я не позволю Рила'адерону сломать ещё хоть одну жизнь тех, кто оказался между жерновами его холодной, расчётливой машины. Я спрятала фибулу под подушку и закрыла глаза.

Глава 12

Неожиданный стук в дверь настиг меня сразу после полудня. Я услышала не торопливый, сбивчивый ритм, за которым неизбежно следовала взъерошенная голова Лира. Но и не ленивый стук, что раздавался по вечерам, после которого на пороге возникал Рейнар и с нахальной усмешкой требовал, чтобы я наконец оторвалась от книг. Этот стук был подчёркнуто официальным, так стучат те, кто привык докладывать о прибытии важных персон и не переступать порог без приглашения.

— Войдите, — сказала я, откладывая перо.

Лир просунул

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.